ОЛИВИЯ ЛИ

ВИШНЁВЫЙ САД НА ГРОЗОВОМ УТЁСЕ



Не отпускай

МЕНЯ

Ли Оливия

Вишневый сад на Грозовом утесе. Не отпускай меня.

https://litres.ru/74816654
SelfPub; 2026

Аннотация

Оливия и Денис приезжают в Лондон вместе. После разлуки счастье кажется простым: просыпаться рядом, делить завтрак, строить планы и знать, что вечером тебя ждут дома.

Денис показывает Оливии свой город, а его лучший друг Роберт становится близким и ей. Впереди — зелёные холмы Девона, старинные деревни, вечера у моря и Корнуолл, где над океаном возвышаются руины Тинтагеля.

Но в привычном для Дениса мире Оливия порой чувствует себя чужой. Здесь умеют обидеть, не повышая голоса, а любимый не всегда понимает, когда ей нужна его поддержка.

Главное испытание ждёт их на Штормовом утёсе. Буря превращает прогулку у океана в борьбу за жизнь, и Денису приходится спасать Оливию. Пережитое изменит их обоих, но о самом тяжёлом каждый попытается промолчать, боясь ранить другого.

Когда-то под старой вишней они пообещали не разлюбить, что бы ни случилось. Теперь им предстоит научиться говорить о боли

и снова доверять друг другу. Смогут ли они сдержать клятву, когда счастье окажется таким хрупким?

Содержание

Глава 1 Встреча с Лондоном 6
Глава 2. Первое утро 22
Глава 3. Первый день 41
Глава 4. Чужой мир 67
Глава 5. Мой Лондон 99
Глава 6. Рыжая коалиция 150
Глава 7. Музыка ночи 187
Конец ознакомительного фрагмента. 206

Вишневый сад на Грозовом утесе. Не отпускай меня.

Оливия Ли

Вишнёвый сад

на Грозовом утёсе

Книга II

Не отпускай меня.

Роман

…А вишни тихо осыпались
Над краем сумрачных высот,
И лепестки в ветру терялись,
Как счастье, хрупкое, как лёд…
Оливия Ли

Глава 1 Встреча с Лондоном

Лондон. Август 2007 года.

Лондон встретил их дождём.

Он начался ещё над аэропортом Хитроу[1], когда самолёт, пробившись сквозь плотную облачную пелену, пошёл на снижение. Теперь мелкая водяная пыль оседала на стёклах такси, серебрила крыши автомобилей и придавала улицам тот особенный блеск, который Оливия прежде видела лишь на фотографиях английской столицы.

Она сидела у окна и с жадным любопытством рассматривала всё, что открывалось её взгляду. С момента посадки самолёта девушка не переставала задавать вопросы, но сейчас притихла, увлечённая происходящим за стеклом. Город постепенно обретал черты, знакомые ей по книгам, фильмам и старым открыткам, хотя действительность оказалась гораздо интереснее любого воображаемого образа.

Поначалу за окнами тянулись обычные городские кварталы, жилые дома, небольшие магазины с яркими вывесками, автобусные остановки. Оливия разглядывала их с таким же вниманием, с каким другой путешественник любовался бы королевским дворцом. Её удивляло решительно всё: автомобили, двигавшиеся по непривычной стороне дороги, акку-

[1] Хитроу (Heathrow) — международный аэропорт примерно в 32 км к западу от центра Лондона.

ратные кирпичные домики с крошечными палисадниками, старые фонари, цветочные корзины у входов в пабы и даже люди, которые под моросящим дождём спокойно шли по своим делам, не торопясь раскрывать зонты.

Денис устроился рядом, свободно откинувшись на спинку сиденья. Изредка он поглядывал на знакомые улицы, узнавал перекрёстки, отмечал про себя изменения, появившиеся за время его отсутствия, но гораздо чаще смотрел на Оливию.

Он уже успел забыть, насколько необыкновенно она умеет удивляться.

Стоило ей заметить что-нибудь интересное, как в изумрудных глазах загоралось любопытство, лицо оживлялось, а на губах появлялась улыбка, которую она даже не пыталась сдерживать. В такие минуты Оливия становилась похожа на девчонку, которой наконец разрешили заглянуть за дверь, прежде всегда остававшуюся закрытой.

И Денису было бесконечно хорошо оттого, что эту дверь открыл для неё именно он.

Когда-то он пообещал показать ей Англию. Тогда это были слова, произнесённые в один из тех вечеров, когда будущее казалось далёким и неопределённым. Между обещанием и его исполнением успело произойти столько всего, что теперь, наблюдая за Оливией, Денис испытывал почти мальчишеское торжество.

Она была здесь.

Рядом с ним.

После разлуки, бессонных ночей, мучительного ожидания и тех обстоятельств, которые не раз пытались распорядиться их жизнью вместо них, они наконец приехали в Лондон, вместе.

Теперь ему не нужно было представлять, как однажды он встретит её в аэропорту, как повезёт домой, как покажет любимые места. Всё это происходило на самом деле. Оливия сидела рядом, время от времени касалась его руки и смотрела на город с таким восторгом, что Денису хотелось рассмеяться от счастья.

Ему предстояло сдать отложенные университетские экзамены, вернуться к занятиям, разобраться с накопившимися делами. Впереди у обоих начинался новый учебный год, и Денис прекрасно понимал, насколько непросто Оливии будет привыкать к чужой стране, университетским требованиям и английской речи. Но сейчас эти заботы отступили перед удивительной простотой происходящего: он вёз любимую девушку по улицам города, который знал почти наизусть, и впервые мог разделить с ней эту часть своей жизни.

— Денис! — вдруг воскликнула Оливия и, подавшись вперёд, указала рукой на улицу. — Смотри!

Он повернул голову.

По соседней полосе неторопливо двигался ярко-красный двухэтажный автобус. На верхнем этаже у большого окна сидела пожилая женщина в светлой шляпке и читала газету, совершенно не обращая внимания ни на моросящий дождь, ни

на восторженную рыжеволосую пассажирку соседнего такси.

— Настоящий! — обрадовалась Оливия.

Денис не удержался от улыбки.

— А какого ты ожидала?

— Ну, я же видела их только на фотографиях! — Она проводила автобус взглядом и обернулась к нему. — Они действительно такие красивые...

— Подожди, это только начало.

— Ты говоришь так, будто собираешься удивлять меня на каждом перекрёстке.

— Боюсь, с тобой это будет несложно.

Она рассмеялась и снова повернулась к окну, стараясь не упустить из виду красный автобус, пока тот окончательно не скрылся за поворотом.

Денис тихо усмехнулся. За все годы, проведённые в Лондоне, он успел так привыкнуть к этим автобусам, что давно перестал замечать их. Они были такой же обыденной частью городского пейзажа, как чёрные кэбы, телефонные будки и бесконечные очереди у кофеен по утрам.

Но сейчас ему почему-то захотелось посмотреть вслед автобусу ещё раз.

Вскоре улицы стали наряднее. За мокрыми кронами деревьев появились стройные ряды викторианских домов, сложенных из тёмно-красного и коричневого кирпича. Высокие окна обрамляли светлые каменные наличники, к дверям вели аккуратные ступени, а за чугунными оградами прятались

маленькие садики, где даже августовский дождь не мог заглушить яркую зелень кустарников.

На некоторых фасадах вился плющ. Его густые, напитанные влагой листья покрывали старые стены тёмным изумрудным ковром. В других местах стены почти исчезали за побегами винограда, а балконы утопали в цветах. Ветер шевелил ветви платанов, с которых падали тяжёлые капли, и под деревьями ненадолго вспыхивали маленькие россыпи серебристых брызг.

Оливия прижала ладонь к стеклу.

— Какие дома...

Денис проследил за её взглядом.

— Нравятся?

— Очень. Они совсем не похожи на наши.

— Здесь много домов, которым больше ста лет.

— И в них живут люди?

Он удивлённо посмотрел на неё.

— Конечно.

— Прямо вот так? — Она указала на высокий дом с белыми колоннами и тяжёлой чёрной дверью. — Обычные люди приходят вечером с работы, поднимаются по этим ступенькам и живут внутри?

— Представь себе. Некоторые даже выносят мусор и ссорятся с соседями.

Оливия звонка рассмеялась над шуткой Дениса.

— Северин, не порти мне впечатление!

— Я всего лишь стараюсь, чтобы ты не принимала каждый английский дом за дворец.

— А ты представь, каково это — каждое утро открывать такую дверь! Мне кажется, я бы даже в университет выходила с каким-то особенным чувством.

— Первую неделю — вполне возможно. А потом начала бы опаздывать и вылетала оттуда с конспектами под мышкой.

— Неправда!

— Лисёнок, я тебя знаю.

Она хотела возразить, но в следующую минуту увидела за окном старинную церковь с высокой каменной башней и совершенно забыла, о чём собиралась спорить.

Денис рассмеялся.

Ему нравилось это её свойство — увлекаться, забывать начатую фразу, мгновенно переключаться с шутки на серьёзное наблюдение и снова возвращаться к разговору так естественно, будто никакой паузы не существовало.

Лондон же продолжал открываться перед ней.

Между каменными фасадами неожиданно появлялись небольшие скверы. Их зелёные лужайки были огорожены невысокими чёрными решётками, на скамейках сидели люди с книгами и бумажными стаканчиками кофе, а под широкими кронами деревьев, собирались голуби.

Витрины книжных магазинов соседствовали с цветочными лавками, уютные чайные — с дорогими бутиками. То и

дело попадались старомодные вывески с золочёными буквами, над дверями покачивались фонари, а у входов в маленькие кафе стояли круглые столики, ещё влажные после дождя.

Оливия смотрела на всё это с возрастающим восхищением.

— Совсем другой... — задумчиво произнесла она.

— Какой?

— На фотографиях Лондон всегда какой-то торжественный. Биг-Бен[2], дворцы, королевская гвардия, старинные мосты... Я думала, здесь всё такое. Красивое, строгое, даже немного недоступное. А он совсем другой. Посмотри на эту женщину!

У тротуара остановилась пожилая англичанка в ярко-жёлтом плаще. Одной рукой она придерживала поводок небольшого терьера, другой пыталась поправить перекосившийся зонт. Собака, совершенно не разделявшая хозяйкиных затруднений, с деловитым видом исследовала основание фонарного столба.

— И что? — улыбнулся Денис.

— Ну посмотри, какая она замечательная! А собака! Она же сейчас утащит её вместе с зонтом!

Денис рассмеялся.

— Согласен, терьер настроен решительно.

— Вот! — Оливия довольно повернулась к нему. —

---

[2] Биг-Бен (Big Ben) — название большого часового колокола Вестминстерского дворца. В обиходе так называют и башню с часами.

Именно об этом я и говорю. Здесь всё такое живое. Мне почему-то казалось, что англичане ходят по улицам исключительно с серьёзными лицами и разговаривают только о погоде.

— Поверь, о погоде они действительно разговаривают много.

— Теперь понимаю почему.

Она посмотрела на небо, затянутое ровной пеленой облаков, и улыбнулась.

— Но мне даже дождь нравится.

— Запомню эти слова. Особенно когда в ноябре ты начнёшь ругаться на него каждое утро.

— Не начну.

— Посмотрим.

Денис знал этот город совсем другим. Он помнил его тёмные зимние вечера, холодные остановки, переполненные поезда подземки, усталость после занятий, долгие часы в библиотеке и одинокие возвращения домой. Были времена, когда лондонские улицы казались ему бесконечными, а людская толпа лишь острее напоминала о собственном одиночестве.

Но сейчас знакомые фасады, перекрёстки и площади возвращались к нему вместе с голосом Оливии, её смехом и любопытными вопросами. Город, в котором он привык искать уединения, неожиданно становился местом, где ему хотелось жить полной жизнью.

Он давно думал, что, будь у городов человеческий характер, Лондон оказался бы человеком, который умеет молчать.

У этого молчания была своя особенная сдержанность. Здесь старые здания хранили следы давно минувших эпох, но не требовали от прохожих благоговения. История соседствовала с повседневностью, величественные фасады — с шумными кафе, вековые деревья — с оживлёнными дорогами.

Возможно, именно поэтому Денис так полюбил его когда-то.

— О чём задумался? — спросила Оливия, заметив, что он притих.

Денис встретил её взгляд.

— О том, что ты сейчас влюбишься.

Она удивлённо приподняла брови.

— В Англию?

— Нет. В Лондон.

— А есть разница?

— Огромная.

— И в чём же?

Он немного подумал.

— Англия — это целый мир, Лисёнок. А Лондон — только одна его часть. Очень своеобразная и весьма самоуверенная.

— Чем-то на тебя похож.

Денис расхохотался.

— Вот уж спасибо!

— Пожалуйста, — невинно ответила она. — Зато теперь я начинаю понимать, почему ты его любишь.

Он смотрел на неё, стараясь сохранить серьёзность, но уголки губ упрямо выдавали улыбку.

Такси свернуло на широкую улицу, и Денис что-то негромко сказал водителю по-английски. Тот кивнул, взглянул в зеркало заднего вида и вскоре изменил маршрут.

— Что ты ему сказал? — заинтересовалась Оливия.

— Попросил немного проехать другой дорогой.

— Зачем?

— Есть кое-что, что я хочу тебе показать.

— Опять сюрприз?

— А ты против?

— Уже нет. Я начинаю привыкать.

Они миновали ещё несколько кварталов. Дома постепенно расступались, улица становилась шире, и вдруг впереди, между высокими каменными зданиями, открылась река.

Оливия невольно подалась вперёд.

Темза[3].

Она появилась неожиданно, во всей своей спокойной величавости, широкая, прохладная, с тяжёлой серебристо-серой водой, в которой дрожали отражения мостов и старинных зданий. Над рекой висела лёгкая дождливая дымка.

---

[3] Темза (Thames) — река на юге Англии, протекающая через Лондон и впадающая в Северное море.

Сквозь неё проступали башни Вестминстерского дворца[4], и их очертания придавали пейзажу ту почти невероятную историческую глубину, которую Оливия прежде могла только представлять.

По воде медленно двигалось прогулочное судно. За ним расходились широкие волны, разбивая отражения на сотни мерцающих осколков. Чайки кружили над набережной, опускались почти к самой воде, вновь взмывали вверх и исчезали в сером небе.

Оливия молчала.

Она узнала Темзу сразу, хотя действительность совершенно не походила на фотографии, которые столько раз рассматривала. На них река обычно служила красивым фоном для знаменитых достопримечательностей. Здесь же она была частью огромного живого города, в котором столетия свободно соседствовали друг с другом.

Вода текла между берегами, повидавшими королей, войны и великие открытия, корабли далёких экспедиций и миллионы обычных человеческих судеб. По набережным шли люди, проезжали автомобили, спешили куда-то прохожие, а река продолжала своё неспешное движение, почти не замечая городской суеты.

— Денис... — едва слышно произнесла она.

---

[4] Вестминстерский дворец (Palace of Westminster) — здание британского парламента на северном берегу Темзы. Вестминстерское аббатство находится поблизости, но является отдельным сооружением.

— Да, милая?

Оливия повернулась к нему. В её глазах отражался свет дождливого неба.

— Это ведь Темза?

— Она самая.

Девушка снова посмотрела в окно.

— Господи, какая же она красивая...

Денис чуть наклонился к ней.

— Хочешь, потом погуляем по набережной?

— Конечно! — Она обернулась так быстро, что несколько медно-рыжих прядей выбились из причёски. — И по мостам! И возле этих старых домов! А ещё я хочу увидеть тот большой парк, о котором ты рассказывал. И книжные магазины. Ты обещал показать мне настоящий английский книжный магазин!

— Покажу.

— И университет.

— Обязательно.

— И места, где вы с Робертом...

— Вот с этим, — перебил он, уже смеясь, — я бы не торопился.

Оливия прищурилась.

— Почему?

— Потому что я не уверен, что эти места подходят для молодых впечатлительных девушек.

— Значит, там было что-то интересное!

— С какой стороны посмотреть.

— Северин, ты даже не представляешь, сколько вопросов я приготовила для Роберта.

Денис покачал головой.

— Вот этого я и опасался.

Она весело рассмеялась, и он тоже не смог удержаться.

Оливия тем временем снова повернулась к реке.

— Знаешь, — задумчиво произнесла она, — Англия совсем не такая, какой я её представляла.

— Какая же она?

— Ещё не знаю.

Она немного помолчала, наблюдая, как по воде расходятся волны от проходившего судна.

— Но очень хочу узнать.

Денис улыбнулся.

— Тогда у нас впереди много работы.

— Почему?

— Потому что настоящий Лондон никогда не показывает себя сразу. Сначала он позволяет посмотреть на свои дворцы и знаменитые улицы, а потом, если ты не торопишься и умеешь замечать мелочи, открывает совсем другие места. Те, которых нет в путеводителях.

— Например?

— Например, одну маленькую книжную лавку, где хозяин до сих пор считает меня невоспитанным мальчишкой. Или туда где готовят такие вкусные сконы.

— Сконы? — Оливия озадаченно посмотрела на него. — Это ещё что такое? Звучит как название каких-то животных.

Денис сначала удивлённо вскинул брови, а потом расхохотался так заразительно, что даже водитель покосился на них в зеркало заднего вида.

— Какой ещё скотины, Лисёнок?!

— Ну откуда я знаю! — Она и сама уже смеялась. — Может, у вас тут водится какая-нибудь особенная английская скотина. Маленькая, лохматая, с рожками...

— Господи, Оливия! — Денис вытер выступившие от смеха слёзы. — Умоляю, только не скажи этого при миссис Томпсон! Она нас из булочной выставит раньше, чем ты успеешь переступить порог!

— Так это булочки?!

— Булочки, родная. Английские. Тёплые, рассыпчатые. Их разламывают пополам, намазывают густыми сливками, добавляют клубничный джем...

— А сразу сказать нельзя было? — возмутилась Оливия. — Я тут уже целое стадо представила!

Денис снова расхохотался.

— Стадо сконов?! Лисёнок, ты меня когда-нибудь доконаешь!

— Между прочим, я совершенно серьёзно спрашивала!

— Я заметил. Особенно когда появились рожки.

Она шутливо толкнула его локтем.

— Ладно, веди меня к своей миссис Томпсон. Посмотрим,

что это за чудо английской кухни. Только предупреждаю: с маминими пирожками тягаться непросто.

— Договорились. Но об одном я тебя всё-таки попрошу.

— О чём?

— Когда миссис Томпсон спросит, понравились ли тебе её сконы, пожалуйста, не рассказывай ей про стадо.

Оливия запрокинула голову и звонко рассмеялась.

— Ничего не обещаю, Северин!

Он покачал головой, всё ещё улыбаясь. Теперь Денис уже представлял, как приведёт её в любимую булочную и попытается сохранить серьёзное лицо при одном только упоминании сконов.

Денис посмотрел на неё с лукавой улыбкой.

— Ещё есть места, о которых я пока рассказывать не собираюсь.

— Северин!

— Терпение, Лисёнок. Ты ведь только приехала.

— Именно поэтому мне хочется увидеть всё сразу!

— Тогда нам придётся жить здесь лет сто.

Она обдумала его слова с совершенно серьёзным видом.

— Ну... пожалуй, сто лет меня устроят.

Денис рассмеялся и взял её за руку.

— Договорились.

Оливия переплела свои пальцы с его, даже не отрывая взгляда от окна.

— Спасибо тебе, — сказала она.

— За что?

Оливия оглянулась на Темзу, на старинные дома, на улицы, которых ещё вчера для неё не существовало за пределами книг и фотографий.

— За всё это. За то, что я здесь.

Он хотел ответить какой-нибудь шуткой, но не стал.

В её словах было столько искренней радости, что ему самому стало немного трудно говорить.

Он знал, что она устанет после перелёта, что завтра захочет разложить вещи, позвонить родителям, а вскоре начнёт волноваться из-за английского языка и университетских занятий. Он знал, что их ждут обыкновенные заботы, ранние подъёмы, экзамены, бесконечные студенческие дела.

Но сейчас ему хотелось только одного — чтобы эта дорога продолжалась ещё хотя бы немного.

Город, который он знал столько лет, открылся перед ним неожиданно прекрасным — благодаря девушке с медно-рыжими волосами, сидевшей рядом и смотревшей на Лондон так, будто весь мир только что распахнул перед ней двери.

Он крепче сжал её руку и подумал, что всё произошло именно так, как он мечтал.

Только гораздо лучше.

Потому что теперь он возвращался в Лондон не один.

И впервые за долгое время ему хотелось не просто вернуться домой.

Ему хотелось привести домой её.

Глава 2. Первое утро

Денис открыл дверь и, пропустив Оливию вперёд, закатил в прихожую оба чемодана.

Она успела сделать всего несколько шагов, когда её внимание привлекла гостиная, открывавшаяся за широким дверным проёмом. Оливия остановилась, огляделась, потом медленно прошла дальше, с любопытством рассматривая незнакомую обстановку.

— Ну вот, Лисёнок, мы и дома, — сказал Денис, оставляя чемоданы возле стены.

Она обернулась к нему с улыбкой.

— А знаешь, я совсем не так её представляла.

— Правда? А как?

Оливия задумалась. Ещё в Москве, когда они разговаривали о предстоящем переезде, она не раз пыталась вообразить квартиру, в которой Денис жил все эти годы, но никакой отчётливой картины у неё не складывалось. Ей представлялся то обычный холостяцкий дом, где вперемешку лежат книги, одежда и какие-нибудь детали мотоциклов, то небольшая студенческая квартира с видом на оживлённую лондонскую улицу. Она никогда не расспрашивала его подробно об обстановке, а теперь с некоторым удивлением обнаружила, насколько мало знала об этой стороне его жизни.

— Наверное, я думала, что у тебя здесь всё немного иначе,

— призналась она. — Даже не знаю, как объяснить.

— Не торопись, — добродушно ответил Денис. — У тебя ещё будет время составить окончательное мнение.

Он собирался занести вещи в спальню, но, заметив, с каким интересом Оливия оглядывается по сторонам, задержался.

— Хочешь, я тебе всё покажу?

— Подожди, не надо пока! — Она рассмеялась. — Мне самой хочется посмотреть. Ты ведь здесь столько лет прожил, а я даже не представляю, какие у тебя привычки, что ты любишь, где проводишь вечера…

— Полгода живём вместе, а ты до сих пор не знаешь моих привычек?

— Не придирайся, Северин! Я совсем не об этом.

Она подошла к нему и, положив ладони ему на грудь, заглянула в глаза.

— Мне интересно, каким ты был до того, как мы встретились. Понимаешь?

Денис обнял её за талию.

— Ну, боюсь, некоторые подробности моей бурной юности тебя разочаруют.

— Вот! — Оливия довольно рассмеялась. — Теперь мне стало ещё интереснее!

Он поцеловал её и, отпустив, направился к чемоданам.

— Тогда располагайся, Лисёнок. Я пока вещи отнесу.

Оливия проводила его взглядом, после чего неторопливо

прошла вдоль гостиной.

Она не могла не заметить, с какой тщательностью была обставлена квартира: дорогая мебель, большие картины в тяжёлых рамах, благородные оттенки дерева, простор, который придавали комнатам высокие потолки и широкие окна. Во всём чувствовался вкус Алексея Сергеевича, предпочитавшего добротные вещи и не признававшего ничего случайного в устройстве собственного дома.

Но среди этой сдержанной, почти строгой обстановки обнаруживались подробности, которые могли принадлежать только Денису.

На книжных полках соседствовали совершенно разные издания. Рядом с тяжёлыми медицинскими справочниками стояли романы, книги по истории, художественные альбомы, а чуть дальше — несколько изданий, посвящённых спортивным мотоциклам. Между ними были расставлены фотографии, на одной из нижних полок лежала стопка музыкальных дисков.

Оливия присела возле шкафа и вытащила один из альбомов. На обложке не было ни названия, ни даты, зато внутри обнаружилось множество фотографий, которые, судя по всему, собирались в разные годы.

На первых страницах Денис был ещё подростком. Высокий, худощавый, с чуть более длинными, чем сейчас, волосами, он стоял среди одноклассников, улыбался фотографу или смотрел куда-то в сторону с таким серьёзным видом, что

Оливия невольно рассмеялась.

Она никогда не видела его таким.

Ей особенно понравился снимок, на котором Денис стоял рядом с несколькими ребятами возле мотоцикла. В его фигуре уже угадывались знакомые широкие плечи, а выражение лица было настолько уверенным, что Оливия сразу представила, каким невыносимо самодовольным он, должно быть, бывал в школьные годы.

Она перевернула страницу.

На следующей фотографии среди компании молодых людей стояла стройная светловолосая девушка. Денис находился рядом с ней, немного наклонив голову к объективу. На другом снимке они были уже в большой компании за праздничным столом, а ещё через несколько страниц Оливия вновь увидела ту же девушку, на этот раз совсем юную.

Она задержалась, рассматривая фотографии внимательнее.

— Денис! — позвала Оливия. — А это кто у тебя здесь такая красавица?

Он выглянул из спальни.

— Где?

— Иди посмотри!

Денис подошёл к ней, взглянул на раскрытый альбом и сразу узнал знакомые лица.

— А, это Виктория.

— Виктория? — Оливия с любопытством посмотрела на

него. — Подруга?

— Да. Мы с ней с детства знакомы. Наши отцы много лет ведут совместные дела, семьи дружили, поэтому мы практически вместе выросли.

Она снова взглянула на снимок.

— Надо же… Вы даже на детских фотографиях рядом.

— Нас постоянно таскали на одни и те же праздники, семейные ужины, дни рождения. Иногда я видел её чаще, чем собственных школьных приятелей.

Оливия улыбнулась.

— А она красивая.

— Да, — спокойно согласился Денис.

Она подняла на него глаза, и в её взгляде появилось знакомое лукавство.

— Слушай, Северин… А у вас случайно не было какой-нибудь романтической истории? Детская дружба, первая любовь, всё такое…

Он невольно усмехнулся, но почти сразу его лицо изменилось.

Перед глазами неожиданно возникла Виктория, стоявшая перед ним в его собственной гостиной. Вспомнились светлые волосы, обнажённые плечи, платье, брошенное возле кресла, и собственное страшное отрезвление, когда он наконец понял, кого обнимал и целовал, находясь в почти беспамятном состоянии.

До сих пор Денису было неприятно даже думать о той но-

чи. Он не мог забыть, что Виктория прекрасно слышала, как он называл её Оливией, понимала, насколько он пьян, и всё же не отступила.

Ему снова стало противно от воспоминания о случившемся.

— Нет, Лисёнок, — ответил он. — Никакой романтической истории у нас не было.

Оливия, не заметив сразу перемены в его настроении, продолжала с интересом рассматривать фотографию.

— Неужели? А по-моему, из вас получилась бы очень красивая пара.

— Оливия…

Она удивлённо посмотрела на него.

— Что?

Денис немного помолчал.

— Мы действительно дружили с детства. Но я никогда не был в неё влюблён.

Он произнёс это спокойно, хотя прежняя лёгкость исчезла из его голоса. Оливия заметила перемену и, не понимая её причины, на мгновение смутилась.

— Северин, ну я же пошутила!

— Я знаю, милая.

Он осторожно коснулся её плеча, и Оливия, убедившись, что он не сердится, снова улыбнулась.

— Просто мне интересно. Я ведь о твоём детстве почти ничего не знаю.

— Тогда нам с тобой придётся как-нибудь выделить целый вечер для старых фотографий.

— Один вечер? — Она выразительно посмотрела на толщину альбома. — Боюсь, Северин, одним мы не обойдёмся!

Денис рассмеялся, и на этот раз его смех прозвучал вполне искренне.

Оливия перевернула ещё несколько страниц, задержавшись возле снимков с мотоциклами, а потом обнаружила знакомое веснушчатое лицо.

— Ой, а это кто?! Подожди… Денис! Это же Роберт!

Он взглянул на фотографию.

— Ну наконец-то добралась до нашего шотландца.

Роберт стоял, обнимая Дениса за плечи, и широко улыбался фотографу. Рыжие волосы были взъерошены, на щеке отчётливо виднелись веснушки, а вся его фигура выражала такое неподдельное веселье, что Оливия тоже невольно улыбнулась.

— Господи, какой он высокий!

— А ты думала, я преувеличиваю?

— Да нет… Просто по телефону этого не видно!

Денис расхохотался.

— Лисёнок, поверь, когда познакомишься с ним поближе, рост будет последним, что тебя удивит.

— Интересно почему?

— Потому что Роберт умеет удивлять совсем другими талантами.

— Какими же?

— Потом узнаешь.

Она прищурилась.

— Северин, ты опять что-то скрываешь!

— Разумеется.

— Ну вот! — возмутилась она, хотя в глазах уже прыгали смешинки. — Никакого доверия!

Денис рассмеялся, а Оливия вновь принялась рассматривать снимок, пытаясь представить двух молодых людей, которых свела я жизнь. В Роберте было что-то удивительно открытое и озорное, и ей почему-то сразу стало ясно, что с таким другом Денис едва ли мог скучать.

— А он здесь каким был? — поинтересовалась она. — Таким же весёлым?

— Ещё хуже, Лисёнок.

— Как это — хуже?

— Увидишь.

Она покачала головой.

— Нет, Северин, определённо мне нужно поскорее познакомиться с твоими друзьями. А то я начинаю подозревать, что ты рассказал мне далеко не всё.

— Я и не собирался рассказывать всё сразу.

— Почему?

— Потому что тогда у тебя не останется поводов меня расспрашивать.

Оливия рассмеялась.

— Поверь, с этим у меня никогда проблем не будет!

Она бережно закрыла альбом и поставила его обратно на полку, но уже через минуту её внимание привлекла небольшая модель спортивного мотоцикла. Выполненная с удивительной точностью, она стояла среди книг на отдельной подставке, и Оливия не удержалась от соблазна рассмотреть её поближе.

— Какая прелесть! — восхищённо произнесла она, осторожно повернув модель. — Смотри, здесь даже колёса крутятся!

Денис улыбнулся.

— Хорошая работа, правда?

— Очень! А откуда она у тебя?

— Кажется Виктория подарила. Пару лет назад.

Оливия подняла глаза.

— Так вот, значит, какая у тебя внимательная подруга детства!

В её голосе снова появилась насмешливая нотка, и Денис, услышав её, невольно улыбнулся. На этот раз он не стал возвращаться мыслями к неприятному прошлому, а лишь предложил поставить модель обратно, пока Оливия случайно не повредила какую-нибудь из её хрупких деталей.

— Северин, — возмутилась она, — можно подумать, я никогда мотоциклов не видела!

— Настоящие-то ты видела. А с этими всё немного сложнее.

— Ничего подобного! — Оливия осторожно вернула модель на подставку. — Я, между прочим, прекрасно умею обращаться с красивыми вещами.

Он посмотрел на неё с улыбкой.

— Это я уже заметил.

Она рассмеялась, шутливо толкнула его локтем и направилась дальше вдоль книжных полок, а Денис ещё некоторое время наблюдал за ней, прежде чем вернуться в спальню.

Теперь ему было приятно слушать, как Оливия ходит по квартире, время от времени зовёт его, задаёт вопросы и с восторгом обнаруживает какую-нибудь совершенно обыкновенную вещь. Он давно перестал замечать большинство этих предметов, привык к книгам, старым альбомам, сувенирам и фотографиям, однако в её глазах всё это неожиданно приобретало особенное значение.

Вскоре из кухни донёсся новый возглас.

— Денис!

Он рассмеялся ещё до того, как успел ответить.

— Что на этот раз, Лисёнок?

— Иди сюда! Я тебе сейчас кое-что покажу!

На кухне Оливия стояла перед раскрытым шкафом, в котором обнаружилось целое собрание жестяных коробочек с чаем.

— Ты только посмотри! — воскликнула она, едва он появился в дверях. — Сколько же их у тебя?!

Денис заглянул в шкаф.

— А что тебя удивляет?

— Меня? — Оливия повернулась к нему. — Северин, здесь же целая чайная лавка!

Он рассмеялся.

— Ну уж не преувеличивай.

— Да я ещё не всё посмотрела! — Она достала одну из коробочек и внимательно прочитала название. — А этот ты когда пьёшь?

— Обычно по утрам.

— А этот?

— Вечером.

— А остальные?

— Лисёнок, ты сейчас серьёзно собираешься выяснять назначение каждой коробочки?

Она рассмеялась.

— Конечно! Мне же интересно!

Денис покачал головой, но подошёл ближе и принялся объяснять, чем различаются сорта. Он действительно неплохо разбирался в чае, знал, какой лучше пить с молоком, какой хорош без всяких добавок, а какой раскрывает свой аромат только при правильном заваривании. Оливия слушала с неподдельным интересом, время от времени открывала коробочки, рассматривала содержимое и пыталась различить ароматы.

Больше всего её забавляло то, с какой серьёзностью Денис относился к этому занятию. Он мог часами обсуждать мото-

циклы, университетские лекции и медицинские открытия, а теперь с тем же увлечением рассказывал о каких-то совершенно необыкновенных сортах чая.

— Знаешь, Северин, — произнесла она наконец, — я сегодня столько нового о тебе узнала, что теперь даже не представляю, сколько ещё открытий меня ожидает.

— И какие же выводы ты сделала?

Оливия задумчиво оглядела раскрытый шкаф.

— Что ты ужасно любишь мотоциклы, книги, своих друзей… и чай.

— Очень глубокое исследование.

— Не перебивай! — Она рассмеялась. — Я ещё не закончила.

Денис улыбнулся, ожидая продолжения.

— И ещё я поняла, что мне ужасно нравится узнавать о тебе что-нибудь новое.

Он посмотрел на неё с нежностью.

— А мне нравится, что ты здесь, Лисёнок.

Она улыбнулась и, поставив последнюю коробочку на место, подошла к нему.

— Тогда заваривай свой самый вкусный чай. Будем пробовать!

Денис рассмеялся, обнял её и поцеловал.

Рассмотрев чайные коробочки, Оливия направилась в спальню, где Денис уже успел разобрать почти все свои вещи и теперь освобождал место для её одежды. Один из чемода-

нов стоял открытым возле кровати, другой ещё дожидался своей очереди. Увидев, сколько всего он сделал за время её отсутствия, она невольно смутилась.

— Денис, ну почему ты меня не позвал? Я ведь совсем тебе не помогла!

Он обернулся от шкафа.

— А зачем было тебя отвлекать, Лисёнок? Ты так увлеклась, что мне самому стало интересно, что ещё ты там обнаружишь.

— Вот ещё! — Оливия рассмеялась. — Я, между прочим, знакомилась с твоими привычками. А ты тут один со всеми чемоданами возишься!

— Ничего страшного, родная. Свои вещи я уже разобрал, а твои решил оставить тебе.

Она подошла к шкафу и с удивлением обнаружила, что Денис освободил для неё почти половину пространства. Рядом с его рубашками теперь можно было спокойно разместить платья, а на нескольких полках, прежде занятых одеждой, оставалось достаточно места для всего, что она привезла из Москвы.

— Ой, Денис, сколько же ты мне места оставил!

— Надеюсь, хватит?

— Ещё как! — Она довольно улыбнулась. — Хотя ты ведь ещё не знаешь, сколько всего я с собой привезла.

— Подозреваю, что немало.

— А вот и неправда! Я взяла только самое необходимое.

Он посмотрел на стоявший возле кровати чемодан, потом снова на неё.

Оливия не выдержала и рассмеялась.

— Северин, ну не смотри на меня так! Мне же нужно в чём-то ходить на занятия!

— Разумеется, Лисёнок. Я совершенно не спорю.

Она открыла чемодан и принялась доставать одежду. Денис помогал ей развешивать платья, подавал плечики, убирал освободившиеся дорожные сумки, а Оливия время от времени находила какую-нибудь вещь, о которой уже успела забыть, и с удовольствием вспоминала, почему решила взять её с собой.

Среди одежды обнаружилась зелёная кофточка, которую Денис особенно любил. Он сразу узнал её и, заметив, как Оливия аккуратно расправляет ткань, улыбнулся.

— И эту ты тоже привезла?

— Конечно! — Она удивлённо посмотрела на него. — А почему я должна была её оставить?

— Просто спросил.

Оливия прищурилась.

— Северин, уж не хочешь ли ты сказать, что она тебе надоела?

— Лив, я бы не рискнул.

— Вот и правильно!

Она рассмеялась и повесила кофточку рядом с остальной одеждой.

Постепенно спальня приобретала привычный для них обоих вид. Там, где ещё утром находились только личные вещи Дениса, теперь лежали Оливины книги, появились её любимые кофточки, платья, несколько небольших памятных безделушек. Она долго выбирала место для косметички, потом решила переставить её поближе к зеркалу, а Денис, наблюдая за этими приготовлениями, невольно улыбался.

В Москве они давно привыкли к подобным хлопотам. Но здесь Оливия с особенным удовольствием замечала, как её вещи занимают место среди давно знакомых Денису предметов. Ещё недавно она могла лишь расспрашивать его о жизни в Англии, слушать рассказы о друзьях и университете, а теперь сама находилась здесь и могла представить, каким будет их обычное утро, куда они станут складывать учебники, где будут завтракать и как проведут долгие вечера после занятий.

— Ну вот, — довольно произнесла она, наконец закрывая дверцу шкафа. — Теперь гораздо лучше!

Денис оглядел спальню.

— По-моему, отлично.

— А я ещё не закончила!

— Лисёнок, у тебя остались вещи?

— Нет. Но я ведь ещё не всё посмотрела!

Он рассмеялся.

— Тогда продолжай. Только не забудь, что у нас впереди целый год.

— Не забуду, Северин!

Оливия поцеловала его в щёку и, оставив Дениса складывать освободившиеся дорожные сумки, вышла в коридор.

Дверь кабинета была открыта. Она заглянула внутрь, собираясь посмотреть, где Денис обычно занимается, и почти сразу заметила возле настольной лампы небольшую фотографию.

Оливия подошла ближе.

На снимке они стояли вдвоём в вишнёвом саду. Денис обнимал её за талию, а она, прижавшись щекой к его плечу, счастливо улыбалась. Фотография была совсем маленькой, с немного потёртыми краями, и стояла, прислонённая к деревянной рамке.

Она осторожно взяла её в руки.

— Денис! — позвала Оливия. — Иди сюда!

— Что, милая?

— Посмотри, что я нашла!

Он появился в дверях и, увидев фотографию, улыбнулся.

— А, наш выпускной.

— Северин, откуда она у тебя?

— Из бумажника. Я её ещё тогда положил.

Оливия удивлённо посмотрела на него.

— Ты всё это время носил её с собой?

— Да. А когда приехал сюда, поставил на стол.

Она снова взглянула на маленький снимок.

— Значит, она здесь с сентября?

— С сентября, родная.

Оливия подняла на него глаза.

Он встретил её взгляд и больше ничего не добавил.

Она осторожно вернула фотографию на прежнее место, подошла к Денису и обняла его. Он сразу прижал её к себе, и некоторое время они стояли молча, не испытывая ни малейшей потребности продолжать разговор.

Потом Оливия немного отстранилась, коснулась ладонью его щеки и улыбнулась.

Она ещё раз посмотрела на снимок, поправила его возле лампы и вдруг спросила:

— Денис, а почему ты никогда не показывал мне свои фотографии?

— Какие именно?

— Да хоть эти! — Она указала на стол. — Я ведь столько всего сегодня увидела. И тебя совсем маленького, и школьные фотографии, и Роберта…

— Лисёнок, — рассмеялся он, — если бы я начал показывать тебе все свои альбомы ещё в Москве, мы бы до сих пор их рассматривали.

— Неправда!

— Думаешь?

— Конечно! — Оливия немного подумала и тоже рассмеялась. — Хотя, наверное, ты прав. Я бы тебя замучила вопросами.

— Ты и сейчас неплохо справляешься.

— Северин!

Он рассмеялся, обнял её за талию и поцеловал.

Оливия обвила руками его шею, с удовольствием отвечая на поцелуй, а потом вновь повернулась к фотографии.

— Знаешь, а мне хочется, чтобы у нас здесь появились новые снимки, наши.

— Появятся, Лисёнок.

— И чтобы потом, когда мы вернёмся в Россию, у нас осталась память обо всём, что мы здесь увидим.

Денис улыбнулся.

— Обязательно.

Она довольно кивнула, ещё раз взглянула на фотографию и взяла его за руку.

— Ну что, Северин, пойдём? А то я сегодня уже столько всего у тебя нашла, что боюсь, до утра не успокоюсь.

— Лисёнок, — рассмеялся Денис, — я уже понял, что от тебя ничего не спрячешь.

Она весело улыбнулась ему, и они вместе направились в гостиную.

— И не пытайся! — весело добавила Оливия, погрозив ему пальцем.

Денис рассмеялся, но, когда она уже собиралась направиться в гостиную, удержал её за руку и привлёк к себе.

— Знаешь, Лисёнок, по-моему, на сегодня с тебя хватит открытий.

— Это ещё почему? — Она удивлённо приподняла брови.

— Я ведь далеко не всё посмотрела!

— Остальное подождёт до завтра.

Не дав ей возможности возразить, он наклонился и поцеловал её. Оливия сначала рассмеялась, но почти сразу обняла его за шею, отвечая на поцелуй с той нежностью, от которой Денису уже не хотелось никуда её отпускать.

— Северин… — тихо произнесла она, когда он наконец отстранился. — А ты, оказывается, умеешь быть очень убедительным.

— Только сейчас заметила?

Она улыбнулась, а он, подхватив её на руки, направился к спальне.

— Денис! — Оливия звонко рассмеялась, крепче обнимая его за шею. — Ты что делаешь?!

— Забираю свою любимую девушку.

— Куда?!

— Домой, Лисёнок. Ты ведь поняла, что мы теперь дома?

Она посмотрела на него, и в её глазах вновь появилось знакомое озорство.

— Ну тогда неси меня, Северин!

Он рассмеялся и поцеловал её ещё раз.

А потом дверь тихо закрылась, оставив за собой их смех, несказанные слова и всю нежность этого вечера, которую они не собирались делить ни с кем на свете.

Глава 3. Первый день

За несколько дней, прошедших после приезда в Лондон, Оливия успела немного освоиться в квартире Дениса, запомнить дорогу до ближайших магазинов и даже самостоятельно купить продукты, хотя один из разговоров с продавцом закончился тем, что вместо обычных сливок она принесла домой баночку совершенно незнакомого ей продукта.

Денис долго смеялся, когда она, возмущённая собственной ошибкой, пыталась доказать, что виновато исключительно английское произношение, а вовсе не её знание языка. Потом они вместе разобрались с надписями на упаковке, и Оливия решила, что впредь станет внимательнее прислушиваться к словам, которые прежде казались ей вполне знакомыми.

Однако сегодняшнее утро волновало её гораздо сильнее подобных маленьких приключений.

Начинались подготовительные занятия по английскому языку для иностранных студентов, и, хотя основная университетская программа должна была открыться лишь в конце сентября, Оливия воспринимала предстоящий день с такой серьёзностью, что ещё накануне несколько раз проверила документы, уточнила расписание и попросила Дениса показать ей на карте дорогу.

Теперь она стояла перед зеркалом, собирая длинные мед-

но-рыжие волосы в высокий хвост, и мысленно повторяла названия станций, которые предстояло проехать.

— Денис, а если я перепутаю выход из метро?

Он как раз вошёл в спальню за часами и, услышав её вопрос, улыбнулся.

— Лисёнок, мы же вчера специально ездили смотреть дорогу.

— Я помню! Но вчера я была с тобой.

— А сегодня справишься сама.

Оливия повернулась к нему.

— Ты так уверен?

— Конечно.

Она немного подумала, затем решительно затянула резинку на волосах.

— Ну что ж, Северин, если заблужусь, будешь меня искать.

— Договорились. Только прежде попробуй спросить дорогу.

— Очень остроумно!

Он рассмеялся, подошёл ближе и поцеловал её.

Оливия уже давно не испытывала прежней робости перед незнакомыми людьми. Московская университетская жизнь приучила её свободно разговаривать, задавать вопросы и не бояться оказаться в центре внимания. Но теперь предстояло делать всё то же самое на чужом языке, среди людей, чьи привычки и манера общения были ей почти неизвестны. И

хотя английским она занималась много лет, Оливия прекрасно понимала разницу между школьными упражнениями и настоящим разговором, в котором никто не станет ждать, пока она мысленно подберёт нужное слово.

Денис тем временем взглянул на часы.

— Нам пора, родная. Иначе ты опоздаешь в свой первый день.

Она схватила сумку, ещё раз проверила, на месте ли документы, и поспешила вслед за ним.

До станции они дошли вместе. По дороге Денис рассказывал о предстоящей встрече с профессором Хэмилтоном, которому должен был показать выполненные за лето задания и уточнить порядок сдачи отложенных экзаменов. Оливия слушала его внимательно, время от времени задавая вопросы, и постепенно заметила, что собственное волнение отступает.

Возле входа в метро Денис остановился.

— Ну что, Лисёнок, готова?

— Почти.

Она поправила ремешок сумки и взглянула на него.

— Только ты мне вечером обязательно расскажи, как всё прошло у профессора.

— Расскажу.

— И ничего не скрывай!

— Даже если он отправит меня ещё месяц учить анатомию?

— Особенно тогда, Северин!

Он рассмеялся, обнял её и поцеловал на прощание.

— Удачи тебе, родная.

— И тебе, Денис.

Уже спускаясь по ступеням, Оливия оглянулась. Денис всё ещё стоял возле входа, наблюдая за ней. Она помахала ему рукой, а затем поспешила вниз, чтобы не задерживать людей, шедших следом.

В поезде оказалось немноголюдно. Оливия заняла свободное место возле окна, достала из сумки небольшой блокнот и ещё раз посмотрела записанный накануне маршрут. Внизу страницы Денис своим крупным почерком указал нужную станцию и выход, а рядом нарисовал стрелку, чтобы она не перепутала направление.

Она улыбнулась, вспомнив, с каким усердием он вчера объяснял ей устройство лондонской подземки, хотя сам, казалось, мог добраться до любого места с закрытыми глазами.

Поезд набирал скорость, станции сменяли одна другую, а незнакомые названия постепенно переставали казаться такими сложными. Оливия внимательно следила за схемой, прислушивалась к объявлениям и, когда пришло время выходить, с удовлетворением убедилась, что ни разу не ошиблась.

На улице она ненадолго остановилась, чтобы сориентироваться.

Утренний Лондон жил своей обычной жизнью. Мимо спешили люди с портфелями и стаканчиками кофе, возле газет-

ного киоска двое мужчин обсуждали что-то с таким увлечением, что почти не замечали прохожих, а у входа в небольшую пекарню молодая женщина пыталась удержать ребёнка, которому непременно хотелось побежать в противоположную сторону.

Оливия невольно улыбнулась. За последние дни она успела заметить, что в этом городе самые обыкновенные происшествия нередко казались ей интереснее знаменитых достопримечательностей. Ей нравилось наблюдать за людьми, угадывать по выражению их лиц настроение, прислушиваться к разговорам, хотя далеко не всё удавалось понять.

Пройдя несколько кварталов, она увидела здание, которое Денис показывал ей накануне.

Возле входа уже собирались молодые люди с папками и сумками. Одни оживлённо разговаривали, другие изучали объявления, прикреплённые к специальной доске, кто-то листал документы, пытаясь разобраться с расписанием.

Оливия остановилась на несколько секунд, огляделась и направилась внутрь.

В просторном холле царило приятное оживление. Со всех сторон доносилась английская речь, но теперь она звучала совершенно по-разному: одни говорили быстро, почти проглатывая окончания, другие тщательно выговаривали каждое слово, явно опасаясь допустить ошибку. Неподалёку двое молодых людей разговаривали по-французски, а возле лестницы группа студентов оживлённо обсуждала что-то на

языке, которого Оливия прежде никогда не слышала.

Она подошла к регистрационной стойке и встала в небольшую очередь.

Впереди молодой человек несколько минут пытался объяснить сотруднице, почему в его документах фамилия написана иначе, чем в паспорте. Девушка за стойкой терпеливо выслушала его, сверила бумаги и наконец разрешила недоразумение. Оливия наблюдала за происходящим с возрастающим вниманием, мысленно примеряя ситуацию на себя.

Когда подошла её очередь, сотрудница приветливо улыбнулась.

— Доброе утро. Ваша фамилия?

— Вишневская. Оливия Вишневская.

Девушка быстро нашла её имя в списке, сверила документы и протянула регистрационные бумаги.

— Добро пожаловать, Оливия. Ваши занятия начинаются в десять часов, аудитория двести четырнадцать, второй этаж.

Последнюю часть объяснения сотрудница произнесла довольно быстро, и Оливия не совсем поняла, по какой из лестниц удобнее подняться.

— Простите, вы не могли бы повторить, где находится нужная лестница?

Девушка охотно объяснила ещё раз и указала рукой на дальний конец холла.

— Благодарю вас!

Оливия отошла от стойки и, взглянув на полученные до-

кументы, улыбнулась. Ещё утром она представляла, как растеряется при первом же разговоре, а теперь спокойно задала вопрос, уточнила непонятное и даже не почувствовала особенного смущения.

Она уже собиралась направиться к лестнице, когда рядом раздался негромкий женский голос:

— Извините, вы случайно не в двести четырнадцатую?

Оливия обернулась.

Перед ней стояла невысокая темноволосая девушка с большими карими глазами и чуть вздёрнутым носом. Она держала папку с документами, из которой торчали несколько разноцветных листков, а в другой руке сжимала расписание, испещрённое собственными пометками.

— Именно туда, — ответила Оливия.

Девушка с облегчением рассмеялась.

— Как хорошо! А то я уже успела подняться на третий этаж и обнаружила, что там вообще другие занятия.

— Нам, кажется, нужно по этой лестнице, — сказала Оливия, показывая направление. — Только я сама ещё не проверяла.

— Тогда пойдём вместе. Вдвоём хотя бы не так обидно заблудиться!

Оливия засмеялась, и они направились по коридору.

— Меня зовут Элена, — представилась девушка. — Я из Барселоны. А ты?

— Оливия. Из России.

— Какое красивое имя! Ты из Москвы?

— Да, я там учусь на журналистике.

— На журналистике? — Элена сразу оживилась. — Значит, ты умеешь задавать вопросы?

— Иногда даже больше, чем нужно.

— Прекрасно! — рассмеялась испанка. — Тогда будешь спрашивать за нас обеих, если мы чего-нибудь не поймём.

— А ты что изучаешь?

— Иностранные языки. Правда, после сегодняшнего утра начинаю сомневаться, насколько хорошо знаю английский.

Оливия улыбнулась.

— Я тоже. Дома мне казалось, что я понимаю почти всё. А здесь люди разговаривают так быстро, что иногда я успеваю услышать только половину предложения.

— Вот именно! — обрадовалась Элена. — Особенно когда объясняют дорогу. Я вчера спросила, как добраться до станции, и мужчина так подробно мне всё рассказал, что через минуту я уже не помнила, куда нужно поворачивать.

Они рассмеялись и, добравшись до нужного этажа, обнаружили аудиторию почти сразу.

До начала занятий оставалось около десяти минут. Девушки выбрали свободные места возле окна, разложили тетради и с интересом принялись рассматривать будущих однокурсников.

Постепенно аудитория заполнялась. Рядом устроились двое молодых людей, разговаривавших по-французски,

неподалёку девушка из Италии обсуждала с соседкой расписание, а у дверей высокий парень с тёмными волосами пытался выяснить, где можно получить студенческий пропуск.

Оливию особенно занимало разнообразие голосов. Английский язык, который в Москве она привыкла слышать преимущественно от преподавателей, здесь звучал на десятки ладов. Некоторые студенты говорили почти без акцента, другие подолгу подыскивали слова, но это ничуть не мешало им знакомиться, шутить и оживлённо обсуждать предстоящую учёбу.

Когда в аудиторию вошёл преподаватель, разговоры постепенно стихли.

Занятия начались.

***

В это же время Денис сдавал один из отложенных экзаменов у профессора Хэмилтона, одного из самых строгих и требовательных преподавателей медицинского университета.

Высокий, седовласый, с неизменной тростью и прямой, почти военной осанкой, Хэмилтон пользовался среди студентов непререкаемым авторитетом. В прошлом военный хирург, он много лет провёл в полевых госпиталях, где врачебные решения нередко приходилось принимать в обстоятельствах, не оставлявших права на ошибку. Тяжёлое ранение ноги вынудило его оставить хирургическую практику, но расстаться с медициной профессор так и не смог. Теперь он

преподавал, передавая будущим врачам знания и опыт, приобретённые за долгие годы работы.

Его побаивались даже отличники. Хэмилтон обладал удивительным даром обнаруживать слабые места в самых обстоятельных ответах и не терпел, когда студенты пытались заменить понимание материала безупречно выученными формулировками. При этом он никогда не стремился поставить человека в неловкое положение: за каждым его вопросом стояло убеждение, что однажды вчерашнему студенту придётся самостоятельно отвечать за чужую жизнь.

Денис относился к профессору с большим уважением. Ему нравились его требовательность, острый ум и та сдержанная ирония, с которой Хэмилтон порой разрушал самые уверенные рассуждения своих учеников.

Однако сегодня даже Северину пришлось нелегко.

— Вы опять торопитесь, Северин.

Профессор Хэмилтон положил перед Денисом лист с результатами обследования и указал карандашом на одну из строк.

— Посмотрите внимательнее.

Денис перечитал заключение.

— Я не вижу ошибки, профессор.

— В том-то и дело, что не видите. Вы нашли наиболее вероятное объяснение и решили, что остальные можно больше не рассматривать.

— Но приведённые показатели…

— Я прекрасно знаю, какие показатели вы имеете в виду. Меня интересуют те, на которые вы не обратили внимания.

Хэмилтон снял очки и откинулся в кресле. Ему было уже далеко за шестьдесят, однако возраст почти не отразился на его привычке держаться прямо, словно под белым врачебным халатом по-прежнему скрывался военный мундир. Только правая нога, искалеченная много лет назад, не позволяла ему двигаться с прежней свободой. Возле стола стояла трость с потёртой деревянной рукоятью.

Денис вновь склонился над бумагами.

— Здесь действительно есть ещё одна возможность, — признал он после некоторого размышления. — Но она кажется мне маловероятной.

— Маловероятной, — повторил профессор. — Прекрасное слово. Особенно когда речь идёт о чужой жизни.

Он взял трость, поднялся и медленно подошёл к окну. Денис невольно проследил за его движениями: Хэмилтон заметно хромал, а когда остановился, перенёс почти всю тяжесть тела на левую ногу.

— Знаете, Северин, в молодости я был почти таким же самоуверенным, как вы.

— Почти? — переспросил Денис.

— В вашем возрасте я, пожалуй, был гораздо хуже.

В голосе профессора прозвучала сухая усмешка.

— Мне казалось, что хороший хирург обязан принимать решения мгновенно. Особенно на войне, где времени на раз-

думья обычно не хватает. Я гордился тем, что умею быстро оценить ранение, определить порядок действий и немедленно приступить к работе. А потом однажды едва не потерял человека именно потому, что решил всё прежде, чем успел разобраться.

Хэмилтон вернулся к столу, осторожно опустился в кресло и некоторое время молчал, разглядывая собственные руки.

— Это было во время Фолклендской войны, в восемьдесят втором году. Мы работали в передовом госпитале, который разместили в старом холодильном цехе. Представьте огромное помещение с бетонными стенами, металлическими балками под потолком и таким холодом по ночам, что даже горячий чай остывал за несколько минут. У нас не было привычного больничного удобства, зато было достаточно работы, чтобы забыть и о сне, и о времени.

Он взглянул на Дениса.

— Вы когда-нибудь видели, как одновременно привозят десятки тяжелораненых?

— Нет, профессор.

— Надеюсь, вам никогда не придётся. В первые минуты ещё пытаешься запоминать лица. Потом остаются только носилки, ранения, распоряжения, голоса санитаров. И бесконечная необходимость решать, кому помощь нужна немедленно, а кто может подождать.

Хэмилтон ненадолго умолк.

— Среди наших пациентов был один молодой солдат. Рядовой Хьюз. Двадцать два года. Рыжеватый, весь в веснушках, с совершенно невозможной привычкой шутить даже тогда, когда ему было больно. Помню, когда его привезли, он попросил меня не отрезать ему ногу, потому что через месяц собирался жениться и уже купил новые ботинки.

Денис невольно улыбнулся.

— Серьёзно?

— Совершенно. Я сказал, что постараюсь не портить ему свадьбу. Тогда он спросил, нельзя ли заодно избавить его от будущей тёщи.

Профессор на мгновение улыбнулся воспоминанию, но лицо его почти сразу посерьёзнело.

— У него было глубокое осколочное ранение бедра. Мы провели хирургическую обработку, удалили доступные загрязнённые и нежизнеспособные ткани. Поначалу мне казалось, что самое опасное позади. Но через несколько дней Хьюзу стало хуже. Поднялась высокая температура, начало падать давление. Развился сепсис.

Денис выпрямился.

— Раневая инфекция?

— Да. Причём тяжёлая. Мы начали необходимое лечение, повторно осматривали рану, проверяли всё, что могли. А состояние продолжало ухудшаться. К третьей ночи он почти перестал реагировать на голос. Я прекрасно помню, как стоял возле его койки и смотрел на человека, которого совсем

недавно обещал отпустить домой к свадьбе.

Хэмилтон провёл ладонью по подбородку.

— К тому времени я почти двое суток толком не спал. Мы потеряли нескольких раненых, и каждую новую смерть я воспринимал болезненнее предыдущей. Но с Хьюзом было особенно тяжело. Я ведь разговаривал с ним, знал, кого он ждёт дома. У его кровати лежала фотография невесты. Он постоянно просил её показать, пока ещё мог говорить.

Профессор замолчал, словно пытаясь вспомнить что-то давно забытое.

— И вот однажды утром я сказал коллеге, что, вероятно, мы уже ничего не сможем сделать.

— Но вы ведь продолжали лечение? — спросил Денис.

— Разумеется. Однако, Северин, между тем, чтобы продолжать выполнять необходимые действия, и тем, чтобы по-настоящему искать возможность изменить положение, иногда возникает опасная пропасть.

Денис задумался.

— Вы считали, что исчерпали все варианты?

— Именно. Мне казалось, я всё проверил, всё предусмотрел, всё перепробовал. И знаете, что самое страшное? Я начал относиться к ухудшению его состояния как к неизбежному. Каждый новый результат только подтверждал уже принятое мною решение.

— Что же заставило вас передумать?

Хэмилтон посмотрел на него.

— Медицинская сестра. Молоденькая девушка, лет двадцати. Я даже помню её имя — Мэри Коллинз. Она ухаживала за Хьюзом с самого поступления и однажды утром обратила внимание на то, что при перевязке он особенно сильно реагирует на прикосновение в стороне от основного раневого канала.

— И раньше этого не замечали?

— Замечали болезненность, но принимали её за следствие самого повреждения. Я осматривал его ногу не один раз, Северин. Вот что мне особенно неприятно вспоминать. Не один раз! И всё же не придал достаточного значения небольшому участку напряжённых тканей.

Профессор наклонился вперёд.

— Мэри подошла ко мне и сказала: «Доктор, взгляните ещё раз. Мне кажется, здесь что-то не так». А я, признаться, едва не отмахнулся. У меня было полно раненых, несколько тяжёлых пациентов ждали операции, и совсем не хотелось вновь возвращаться к тому, что я считал уже изученным.

— Но вы вернулись.

— Да. И слава богу.

Хэмилтон немного помолчал.

— Я подошёл к Хьюзу, попросил дополнительный свет и начал внимательно осматривать ногу. Не торопясь, участок за участком. И обнаружил признаки глубокого очага инфекции, который оставался скрытым при предыдущих осмотрах.

— Необработанная часть раневого канала? — предположил Денис.

— Возможно, именно так всё и началось. При повторном хирургическом вмешательстве мы обнаружили глубокую инфицированную полость с нежизнеспособными тканями. Она сообщалась с первоначальным повреждением, но располагалась в стороне от участка, на котором мы сосредоточили внимание. Инфекция продолжала распространяться, а мы пытались справиться с её последствиями, не устранив один из главных источников.

Денис нахмурился.

— Но при таком состоянии повторная операция была огромным риском.

— Огромным. Мы могли потерять его прямо на столе. Поэтому решение принимали вместе с анестезиологом, учитывая всё, что происходило с пациентом. Никто не мог обещать благополучного исхода.

— И всё-таки решились?

— Потому что наконец поняли, с чем именно боремся. У нас появилась обоснованная возможность помочь, которой раньше мы не видели.

Хэмилтон на мгновение опустил глаза.

— Помню, как вошёл в операционную. Руки слушались прекрасно, хотя от усталости у меня уже начинали дрожать колени. Ассистент спросил, уверен ли я в необходимости вмешательства. Я ответил, что не уверен в исходе, но уверен

в том, что оставлять обнаруженный очаг нельзя.

Денис слушал, подавшись вперёд.

— И как всё прошло?

— Трудно. Очень трудно. В какой-то момент состояние Хьюза стало настолько нестабильным, что мы всерьёз опасались не закончить операцию. Пришлось действовать предельно осторожно, постоянно согласовывая действия с анестезиологом. Мы удалили поражённые ткани, обработали обнаруженную полость, сделали всё, что было возможно в тех условиях.

Профессор посмотрел на Дениса.

— Но самое мучительное началось потом.

— Почему?

— Потому что мы не знали, поможет ли это. Хьюз по-прежнему был в критическом состоянии. Сепсис не исчезает только потому, что хирург нашёл его источник. Мы продолжали лечение, следили за давлением, дыханием, работой органов. Я приходил к нему после каждой операции, даже когда мне говорили, что следует наконец поспать.

Он невесело усмехнулся.

— Несколько дней я боялся услышать, что мы всё-таки его потеряли.

— А потом?

— Потом однажды утром я вошёл в палату, а он открыл глаза и попросил воды.

Хэмилтон остановился.

Денис заметил, как изменилось его лицо. Впервые за весь разговор суровая складка между бровями разгладилась, и на мгновение перед ним оказался совсем другой человек — не требовательный университетский профессор, а молодой хирург, который много лет назад вошёл в палату и услышал голос пациента, которого уже почти отчаялся спасти.

— Представляете, Северин? — негромко продолжил Хэмилтон. — После всех этих дней он просто попросил воды. А я стоял возле кровати и никак не мог заставить себя ответить.

— Он выжил?

— Да. Долго восстанавливался, перенёс ещё несколько вмешательств. Ногу сохранили, хотя последствия ранения остались с ним на всю жизнь. Но он вернулся домой. И, насколько мне известно, женился на своей девушке.

— Несмотря на тёщу? — не удержался Денис.

Хэмилтон рассмеялся — неожиданно громко, совершенно не похоже на его обычную сдержанную усмешку.

— Именно! Представьте себе, даже она не смогла ему помешать.

Денис тоже рассмеялся, но вскоре вновь посерьёзнел.

— Значит, если бы та сестра не обратила вашего внимания на припухлость…

— Возможно, мы потеряли бы его. Я не могу утверждать, что произошло бы наверняка. Но знаю другое: я был близок к тому, чтобы перестать искать.

Профессор осторожно придвинул трость и переменил положение больной ноги.

— Позднее, уже после собственного ранения, когда стало ясно, что к полноценной хирургической практике я больше не вернусь, мне часто вспоминался тот случай. Странное дело: из всех операций, которые мне довелось провести, именно история Хьюза возвращалась чаще остальных.

— Потому что он едва не умер?

— Потому что я едва не отказался от него раньше времени.

Хэмилтон поднял глаза на Дениса.

— Понимаете разницу?

Денис не торопился с ответом.

— Кажется, да.

— Тогда запомните кое-что, Северин. И я очень надеюсь, что однажды эти слова окажутся вам полезны.

Профессор говорил теперь негромко, без привычной иронии, и Денис невольно выпрямился в кресле.

— Никогда не принимайте собственное бессилие за безнадёжность больного. Когда вам покажется, что всё потеряно, найдите в себе мужество посмотреть ещё раз. Не отворачивайтесь от человека только потому, что перестали видеть выход. Иногда достаточно заметить одну-единственную подробность, чтобы там, где вы уже видели конец, появилась возможность продолжить борьбу.

Денис долго смотрел на него.

— А если этой возможности действительно нет?

— Тогда вы должны будете иметь мужество признать это. Но только после того, как убедитесь, что сделали всё необходимое и ничего существенного не упустили. Не раньше.

Хэмилтон взял со стола лист с результатами обследования и протянул его Денису.

— А теперь вернёмся к вашему заключению. Я ведь так и не услышал, почему вы исключили вторую возможность.

Денис опустил глаза на знакомые цифры. Ещё несколько минут назад он собирался защищать собственный ответ, считая замечание профессора излишней придирчивостью. Теперь же внимательно перечитывал каждую строку, стараясь понять, что именно заставило Хэмилтона усомниться в его выводах.

Профессор не торопил его.

И только когда Денис наконец нашёл противоречие и поднял голову, Хэмилтон удовлетворённо кивнул.

— Вот теперь, Северин, давайте поговорим.

Когда Денис вышел из медицинского корпуса, было уже около пяти часов. После продолжительного экзамена, разговора с Хэмилтоном и нескольких часов, проведённых в клинике, усталость наконец дала о себе знать. С утра он успел выпить лишь две чашки кофе и теперь с удовольствием променял бы любые университетские беседы на хороший ужин и возможность немного отдохнуть.

Остановившись у ступеней, он достал телефон и набрал

номер Оливии.

Она ответила не сразу.

— Денис!

— Лисёнок, ты где пропала?

— В библиотеке.

Он невольно усмехнулся.

— Ну конечно. Где же ещё тебя искать в первый день?

— Представляешь, здесь такие книги! Я совершенно случайно нашла старинные карты Лондона, а потом мне показали целый отдел с историческими изданиями. Денис, ты бы видел…

— Подожди, родная. Ты хоть пообедала сегодня?

В трубке наступила короткая пауза.

— Я собиралась.

— Оливия!

— Ну что? — возмутилась она. — Я же не виновата, что здесь столько интересного!

— Разумеется. Это библиотека виновата, что ты с утра ничего не ела.

— Я завтракала!

— Помню. Лично присутствовал.

Она тихонько рассмеялась.

— А ты уже освободился? Как экзамен?

— Сдал, Лисёнок. Хэмилтон сегодня основательно меня погонял.

— Правда? Денис, поздравляю! А ты мне потом расска-

жешь?

— Расскажу, родная. Скажи лучше, где именно ты находишься.

— На втором этаже, в читальном зале. Здесь ещё такие огромные окна… И лестница очень красивая, старинная.

— Понятно. Сиди там, я скоро буду.

— Только не торопись. Я пока ещё немножко почитаю.

— Даже не сомневаюсь.

Он убрал телефон и направился к выходу из университетского двора.

За годы учёбы Денис достаточно хорошо познакомился с лондонскими библиотеками, чтобы понимать, насколько легко можно потерять там несколько часов. Впрочем, Оливия умудрялась делать это и в Москве. Стоило ей наткнуться на любопытную книгу или материал для будущей статьи, как все остальные дела немедленно отступали на второй план.

Сегодня, судя по её голосу, она чувствовала себя в университете совершенно свободно. Утренние опасения насчёт английского произношения и незнакомых преподавателей, по-видимому, остались позади.

Поднявшись на второй этаж, Денис прошёл между высокими книжными стеллажами и вскоре заметил знакомые медно-рыжие волосы.

Оливия сидела у окна, за дальним столом, на котором уже успела разложить несколько книг, исписанный блокнот и огромный альбом со старинными картами Лондона. Она

склонилась над раскрытой страницей, осторожно придерживая её ладонью, и что-то сосредоточенно записывала, время от времени возвращаясь к предыдущему развороту.

Денис остановился в нескольких шагах от неё.

— Простите…

Негромкий голос заставил Дениса обернуться.

Рядом стоял пожилой библиотекарь, худощавый мужчина с седыми бакенбардами и очками на тонкой золотистой оправе. Проследив за взглядом молодого человека, он посмотрел на Оливию и понимающе улыбнулся.

— Боюсь, она не заметит вас ещё как минимум час.

— Знаю, — вполголоса ответил Денис. — У меня уже есть некоторый опыт.

Библиотекарь с любопытством посмотрел на него.

— Тогда, возможно, вам стоит её спасти. Иначе сегодня она забудет не только про ужин.

Денис усмехнулся.

— А если я её отсюда похищу, вы обеспечите мне алиби?

Старик окинул его внимательным взглядом, после чего совершенно серьёзно заметил:

— Боюсь, молодой человек, с алиби ничего не выйдет. Я ведь буду главным свидетелем похищения.

Денис едва удержался от смеха.

— Значит, придётся договариваться с потерпевшей.

— Полагаю, это будет самым благоразумным решением.

Библиотекарь подмигнул ему и направился к соседнему

стеллажу.

Денис ещё раз взглянул на Оливию. Она по-прежнему ничего не замечала, и он, подойдя к столу, осторожно постучал согнутым пальцем по деревянной столешнице.

— Девушка, простите, вы не видели здесь одну рыжую красавицу? Я обещал забрать её на ужин, но, кажется, она бесследно исчезла.

— Минуточку, — рассеянно отозвалась Оливия, не поднимая головы. — Я сейчас…

Она вдруг замолчала, узнав его голос, и обернулась.

— Денис!

В её глазах появилось такое неподдельное изумление, что он не выдержал и рассмеялся.

— Вот она! А я уже собирался объявлять тебя в розыск.

Оливия поднялась навстречу ему.

— Ой, Денис, я совсем не заметила, как время пролетело!

Он обнял её и поцеловал.

— Представляешь, а я почему-то догадался.

— Ты давно пришёл?

— Достаточно, чтобы познакомиться с местным библиотекарем. Очень интересный человек, между прочим.

— Правда?

— Уверяет, что в случае твоего похищения непременно даст против меня показания.

Оливия удивлённо посмотрела на него, а когда поняла, о чём речь, звонко рассмеялась.

Из-за соседнего шкафа тотчас выглянул библиотекарь и приложил палец к губам.

— Простите! — шёпотом произнесла она, прикрыв рот ладонью.

Старик улыбнулся и снова скрылся за стеллажом.

Денис придвинул свободный стул и присел рядом с ней.

— Ну что, Лисёнок, закончила свои исследования?

— Денис, ты только посмотри, что я нашла!

Она немедленно повернула к нему огромный альбом.

— Этой книге почти двести лет! А здесь такие удивительные карты старого Лондона…

И, забыв о том, что собиралась домой, принялась с увлечением показывать ему знакомые улицы, которые прежде выглядели совершенно иначе.

Денис склонился над страницами, слушая её объяснения. От усталости после экзамена у него уже побаливала голова, однако Оливия была так увлечена своим открытием, что он не захотел её прерывать.

Лишь когда она добралась до третьей карты, Денис осторожно накрыл ладонью её руку.

— Лисёнок, пойдём поужинаем. А завтра я сам привезу тебя сюда. Обещаю, все твои карты останутся на месте.

Она взглянула на него и наконец заметила, каким утомлённым было его лицо.

— Господи, Денис, ты ведь сегодня с самого утра на экзамене!

— Был. И, представь себе, даже сдал.

— А я тебя тут держу!

Оливия поспешно закрыла альбом, принялась собирать тетради, но тут же остановилась и обняла его за шею.

— Поздравляю тебя, любимый.

Денис ответил на её поцелуй.

— Спасибо, родная.

— Ну всё, идём. Я сейчас только книги верну.

Она взяла тяжёлый альбом и направилась к стойке библиотекаря, а Денис остался у стола собирать её разбросанные бумаги.

Через несколько минут Оливия вернулась и, взяв его под руку, тихонько сообщила:

— Между прочим, твой новый знакомый сказал, что завтра будет рад меня видеть.

— Ещё бы.

Глава 4. Чужой мир

Неделя пролетела незаметно. Оливия уже не заглядывала в блокнот перед каждой поездкой в метро, научилась безошибочно находить нужные выходы и понемногу привыкала к английской речи, которая ещё совсем недавно заставляла её прислушиваться к каждому слову. Денис заканчивал сдавать отложенные экзамены, порой возвращаясь домой настолько уставшим, что после ужина едва находил силы добраться до спальни. Впрочем, даже в самые напряжённые дни у них оставалось время поговорить, посмеяться над каким-нибудь происшествием или просто посидеть вдвоём, радуясь тому, что никуда больше не нужно спешить.

К субботе оба с удовольствием забыли о будильниках.

Было уже далеко за девять, когда на прикроватном столике Дениса зазвонил телефон. Он открыл глаза, посмотрел на незнакомый с первого взгляда номер и, узнав его, ответил, стараясь говорить по тише.

— Слушаю.

— Северин! Сволочь ты редкостная, знаешь об этом?

Денис не удержался от смеха.

— И тебе доброе утро.

— Ты когда вернулся?

— Неделю назад.

— Неделю?! И хоть бы кому позвонил! Мы тут уже реши-

ли, что ты окончательно обосновался в России и теперь разводишь медведей.

— Не получается. Они слишком много едят.

— Дурак! — Приятель расхохотался. — Слушай, сегодня вечером собираемся в нашем клубе. Наши все будут. Приезжай, а то тебя уже год никто толком не видел.

— У меня экзамены.

— В субботу вечером?

— В понедельник.

— Северин, ты начинаешь меня пугать. Раньше тебя приходилось уговаривать уйти с вечеринки, а теперь — прийти на неё. Что с тобой случилось?

Денис посмотрел на спавшую рядом Оливию. Она во сне придвинулась ближе к его подушке и, не просыпаясь, протянула руку на освободившуюся половину постели.

— Много чего, — ответил он.

— Ладно, расскажешь при встрече. Часам к восьми приезжай. И не вздумай опять пропасть.

— Хорошо. Только я буду не один.

— А с кем?

— С девушкой.

На другом конце провода воцарилось молчание.

— Повтори.

— Слух проверь.

— С девушкой?! Северин, ты серьёзно?

— Нет, издеваюсь над тобой с самого утра.

— Ну наконец-то! Приводи, конечно. Посмотрим хоть, кто сумел тебя приручить.

— С этим у тебя могут возникнуть сложности.

Приятель снова рассмеялся.

— Всё, ждем вас обоих. И никаких больше экзаменов. Хоть один вечер проживи как нормальный человек!

Денис попрощался и положил телефон.

— Интересно, с какой это девушкой и куда ты собрался сегодня вечером?

Он обернулся.

Оливия уже не спала и смотрела на него с подушки, из-под которой выбились длинные растрепавшиеся за ночь волосы.

— С одной рыжей особой, — ответил он, возвращая телефон на столик. — Она ужасно любопытная да еще и подслушивает чужие разговоры.

— Ничего подобного! Ты просто разбудил меня своим смехом.

— Моим? Я разговаривал совершенно спокойно.

— Конечно. Особенно когда начал хохотать про медведей.

— Ты делаешь заметные успехи в английском.

Денис лёг рядом, притянул её к себе и поцеловал в тёплую после сна щёку.

— Ну что, Лисёнок, поедем сегодня знакомиться?

— С кем?

— С моей старой компанией. Мы раньше часто собирались вместе. Ребята узнали, что я вернулся, теперь требуют

немедленно явиться.

Оливия приподнялась, опираясь локтем о подушку.

— А кто там будет?

— Друзья, знакомые. Некоторые ещё со школы. Ты, наверное, половину имён не запомнишь с первого раза.

— Вот спасибо, утешил.

Он провёл ладонью по её спине.

— А ты не старайся всех запоминать. С кем понравится разговаривать, с тем и познакомишься.

Оливия помолчала.

— Денис, а это большая компания?

— Человек пятнадцать, наверное. Может, больше.

— Серьезно…

— Что?

— Да ничего.

Он взглянул на неё внимательнее.

— Лисёнок?

— Ну представь. Ты придёшь, все будут тебе рады, начнут вспоминать школу, какие-нибудь ваши истории. А я там никого не знаю. И английский у меня пока далеко не важный.

— Ты прекрасно разговариваешь.

— С преподавателем, который терпеливо ждёт, пока я закончу предложение! А там наверняка все будут говорить одновременно.

Денис хотел было что-то возразить, но она продолжила:

— И потом, вдруг я кому-нибудь не понравлюсь?

— А тебе обязательно нужно понравиться всем пятнадцати?

Оливия посмотрела на него с досадой.

— Денис, ну не придирайся к словам. Я просто не хочу поставить тебя в неловкое положение.

Он перестал улыбаться.

— Меня?

— Конечно. Они ведь твои друзья.

Денис несколько мгновений разглядывал её лицо. Его удивляло, что девушка, способная совершенно спокойно спорить с кем угодно или первой заговорить с незнакомым человеком, могла так волноваться из-за предстоящего знакомства. Но он понимал, что дело было не в застенчивости. Оливия собиралась войти в общество, где у каждого за плечами имелись годы общей жизни с ним, а у неё — только рассказы об этих годах.

— Послушай, — сказал он мягче. — Мы можем вообще никуда не ехать. Я позвоню ребятам, встретимся в другой раз.

— Нет!

Она ответила так быстро, что он удивлённо поднял брови.

— Почему?

— Потому что я хочу познакомиться с твоими друзьями. Просто боюсь, что буду чувствовать себя там чужой.

— Первые полчаса, возможно, и будешь. Потом освоишься.

— Ты так думаешь?

— Знаю этих оболтусов. Они кого угодно разговорят.

Оливия улыбнулась, хотя тревога ещё не совсем её оставила.

— А ты не убежишь от меня сразу, как увидишь своих приятелей?

— Не убегу, родная.

— Обещаешь?

— Оливия, мы вместе поедем. И вместе вернёмся. Если устанешь, просто скажи мне, хорошо?

Она кивнула и, устроившись у него на плече, некоторое время молчала. Затем вдруг спросила:

— А что за клуб?

Денис назвал место.

Его ответ нисколько ей не помог.

— Это что-то вроде ресторана?

— Не совсем. Закрытый клуб. Там есть несколько залов, ресторан, гостиные. Мы обычно собираемся в одном из них.

— А одеваться как?

— Вечером.

— Северин!

— Что?

— Я серьёзно спрашиваю!

— И я серьёзно отвечаю. Обычное вечернее платье вполне подойдёт.

Оливия приподняла голову.

— Значит, всё-таки платье.

Он усмехнулся.

— Ты собиралась идти в джинсах?

— Я вообще пока не знаю, в чём собиралась!

Денис поцеловал её, оборвав начинавшееся возмущение, и выскользнул из-под одеяла.

— Давай сначала позавтракаем, а потом решим, в чём ты будешь покорять моих друзей.

— Я никого не собираюсь покорять!

— Вот и прекрасно. Одной проблемой меньше.

Он едва успел увернуться от подушки, которую Оливия запустила ему вслед.

К вечеру её волнение вернулось.

Сначала Оливия решила надеть одно платье, потом другое, а когда Денис заглянул в спальню узнать, скоро ли она будет готова, обнаружил оба наряда на кровати и свою возлюбленную перед зеркалом с таким озадаченным выражением лица, словно ей предстояло сделать выбор куда серьёзнее обычного вечернего туалета.

— Что-то не так?

— Не могу решить.

Он посмотрел на платья.

— Надень то, в котором тебе удобнее.

— Денис, я не на прогулку собираюсь.

— Я заметил.

Она обернулась.

— Ты совершенно не помогаешь!

— А что мне нужно сделать?

— Сказать, в каком из них я не буду выглядеть глупо.

Денис подошёл к ней и, встав за спиной, посмотрел в зеркало.

— Ни в одном не будешь.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет.

Оливия вздохнула, но спорить не стала. Её раздражало, что она уделяет одежде столько внимания; дома подобные приготовления никогда не требовали от неё особых усилий. Однако мысль о том, что она так до конца и не могла понять куда он ее собирается привести, заставляла вновь и вновь сомневаться в своём выборе.

Денис тем временем взял с кровати одно из платьев.

— Вот это мне нравится.

— Правда?

— Да.

Она посмотрела на выбранный наряд, затем на него.

— А ты уверен, что оно подойдёт?

— Уверен.

— Ну хорошо.

Несколько минут спустя, когда Оливия наконец закончила собираться, он уже ждал её в гостиной.

Она появилась в дверях, остановилась и с некоторой настороженностью спросила:

— Ну как?

Денис оглядел её с таким явным удовольствием, что ей стало неловко.

— Лисёнок, если ты сейчас опять спросишь, подходящее ли у тебя платье, я тебя никуда не повезу.

— Почему?

— Потому что я и так похоже буду весь вечер отбивать тебя от своих друзей.

— Перестань!

Она всё-таки засмеялась, подошла к нему и поправила воротник его рубашки.

— Ты сам-то готов?

— Уже полчаса.

— Тогда в путь.

Когда они спустились к машине, Оливия неожиданно задержалась возле открытой дверцы.

— Денис…

— Что, родная?

— Если я что-нибудь не пойму, ты мне поможешь?

Он посмотрел ей в глаза.

— Конечно.

— Только не смейся.

— Даже не собирался.

Она кивнула и села в автомобиль.

По дороге Оливия несколько раз пыталась расспросить его о будущих знакомых, но стоило Денису назвать одно имя,

как за ним немедленно следовало другое, а история, начавшаяся со школьного приятеля, неожиданно заканчивалась каким-нибудь случаем, произошедшим несколько лет спустя. В конце концов она окончательно запуталась, рассмеялась над собственной попыткой всё запомнить и попросила:

— Давай ты лучше познакомишь меня с ними на месте.

— Я с самого начала это предлагал.

— Не умничай, Северин.

Он взял её руку и поцеловал кончики пальцев.

Особняк, перед которым Денис остановил машину, нисколько не напоминал Оливии привычные места молодёжных встреч.

За невысокой каменной оградой возвышалось старинное здание с арочными окнами и массивным портиком. У входа стояли несколько дорогих автомобилей, один за другим подъезжали гости, а швейцар в безукоризненной форме встречал их с той сдержанной предупредительностью, которая не требовала ни лишних поклонов, ни громких приветствий.

Денис передал ключи служащему и подошёл к Оливии.

— Пойдём?

Она взяла его под руку.

На ступенях их встретил пожилой швейцар.

— Добрый вечер, мистер Северин. Рад снова вас видеть.

— Добрый вечер, Джеймс. Как поживаете?

— Благодарю, сэр. Всё хорошо. Ваши друзья уже собра-

лись.

Оливия молча слушала их разговор. Денис не только помнил имя швейцара, но и спросил о его семье, а тот, отвечая, упомянул какую-то давнюю историю, над которой оба посмеялись.

Здесь Денис был в своей стихии. Среди людей, с которыми его связывали годы дружбы, общие воспоминания и привычки, усвоенные ещё в юности, он держался с той непринуждённой уверенностью, которая не нуждалась ни в усилиях, ни в притворстве. Оливия с невольным восхищением наблюдала за ним, постепенно открывая для себя целый мир его жизни, существовавший задолго до их встречи и до сих пор почти ей незнакомый. Ей же предстояло впервые войти в этот круг.

За тяжёлыми дверями открывался просторный зал с высокими потолками, старинными люстрами и глубокими креслами, обитыми тёмно-зелёным бархатом. У камина стояла небольшая компания мужчин, возле высоких окон беседовали женщины в вечерних платьях. Между столиками свободно проходили официанты с серебряными подносами, а из соседнего помещения доносилась музыка, настолько негромкая, что не мешала разговорам.

Она и прежде замечала, что англичане умеют одеваться со вкусом, однако здесь, в окружении Дениса, мужская элегантность, казалось, была возведена в особый культ. Безукоризненно сидящие костюмы, белоснежные накрахмаленные

воротнички, дорогие часы, тщательно подобранные галстуки — ни одной случайной детали. Даже причёски выглядели так, словно их обладатели совсем недавно покинули кресла лучших лондонских парикмахеров.

Оливия невольно задержала взгляд на одном из молодых людей, который, оживлённо рассказывая что-то приятелям, держал бокал за тонкую ножку. У него были удивительно ухоженные руки, аккуратно подстриженные, отполированные ногти, а из-под манжет рубашки выглядывали изящные серебряные запонки. У другого волосы были уложены с такой тщательностью, что даже лёгкая небрежность отдельных прядей казалась заранее продуманной.

И всё это удивительным образом сочеталось с совершенно свободными, непринуждёнными манерами. Мужчины смеялись, обменивались шутками, дружески хлопали друг друга по плечам, нисколько не заботясь о том, какое впечатление производят.

Оливия едва удержалась от улыбки.

За последнюю неделю она успела заметить, что многие англичанки на улицах Лондона относились к собственной внешности куда проще, чем она привыкла видеть в Москве. Удобная обувь, незатейливые причёски, одежда, выбранная скорее ради комфорта, чем красоты. И теперь перед ней находились молодые мужчины, чья ухоженность могла бы заставить позавидовать даже некоторых самых взыскательных московских модниц.

Настоящие английские денди, — подумала она с любопытством.

Впрочем, присмотревшись к Денису, Оливия поняла, что удивляться особенно нечему. Он ведь тоже всегда уделял внимание своей внешности, любил дорогие часы, хорошую обувь и безупречно сшитые вещи. Просто раньше она воспринимала это как одну из его личных привычек, а теперь впервые увидела общество, в котором подобная тщательность была совершенно естественной.

Она уже собиралась поделиться с ним своим открытием, когда из компании возле камина раздался радостный возглас:

— Северин! Ну наконец-то!

К ним направились сразу несколько молодых людей.

Первым подошёл высокий блондин, с безупречным британским акцентом, Оливия сразу поняла что это именно он утром звонил Денису. Его звали Джеймс. Не стесняясь окружающих, он крепко обнял приятеля, хлопнул его по плечу и принялся сразу отчитывать его за столь долгое отсутствие.

— Мы уж думали, ты нас окончательно променял на Москву!

— Если будешь так орать, я так и сделаю.

— Ничего, сегодня наверстаем!

Денис поздоровался с остальными и почти сразу повернулся к Оливии.

— Ребята, познакомьтесь. Это Оливия.

Она ощутила на себе несколько заинтересованных взглядов, услышала дружелюбные приветствия и вдруг поняла, что не запомнила ни одного имени.

— Очень приятно, — произнесла она, пожимая протянутые руки.

— Так вот кто у нас тебя украл! — заметил Джеймс. — А Северин-то молчал.

— Он вообще не очень любит рассказывать о себе, — ответила Оливия, стараясь справиться с волнением.

— Не любит? — Молодой человек с изумлением посмотрел на Дениса. — Это что-то новенькое!

— Не слушай их, — сказал Денис. — Сейчас они начнут вспоминать всё, что со мной случилось лет с шести.

— Вот это было бы интересно, — неожиданно для себя заметила Оливия.

Компания оживилась.

— О, Северин, а девушка-то нам нравится!

— Я уже начинаю жалеть, что привёл её, — отозвался Денис.

Теперь Оливия рассмеялась искренне, и напряжение первых минут немного ослабло.

Её расспрашивали о России, о том, как она познакомилась с Денисом, о предстоящей учёбе. Поначалу она отвечала осторожно, особенно когда несколько человек начинали говорить одновременно, но вскоре обнаружила, что друзья Дениса охотно повторяют непонятные выражения и совер-

шенно не обращают внимания на её ошибки. Они гораздо больше интересовались самим рассказом, чем тем, насколько правильно он построен.

Денис почти всё время находился рядом. Порой к нему подходили старые знакомые, и тогда он представлял им Оливию; когда же друзья начинали вспоминать какую-нибудь совершенно незнакомую ей историю, объяснял, о чём идёт речь, не заставляя её просить об этом.

Постепенно она перестала так тщательно следить за каждым собственным словом.

И всё же временами Оливия ловила себя на том, что рассматривает собеседников с особенным любопытством. Для них этот клуб, знакомые лица и даже дорогая обстановка не представляли ничего необычного. Они говорили о путешествиях, семейных домах, благотворительных вечерах, летних встречах так, как её московские друзья рассказывали о студенческих поездках и посиделках у кого-нибудь на даче.

Здесь у Дениса было прошлое, частью которого она никогда не была.

Её вовсе не огорчало это открытие. Напротив, ей хотелось узнать о нём больше. Но временами становилось неловко оттого, как много эти люди помнили о человеке, которого она считала самым близким на свете.

И пока Оливия знакомилась с друзьями Дениса, за ними уже наблюдала женщина, для которой его возвращение оказалось гораздо более болезненным событием, чем она могла

предположить.

Виктория Блейк стояла у большого окна, держа бокал шампанского, и почти не слушала подруг, обсуждавших предстоящие скачки в Аскоте[5]. Ещё полчаса назад кто-то сообщил, что Денис Северин наконец появился в клубе, и с той минуты она то и дело поглядывала в сторону входа, не желая, однако, обнаруживать своего нетерпения.

Она знала, что он вернулся в Лондон. Несколько дней назад об этом упомянул общий знакомый, и Виктория уже успела представить их встречу во всех подробностях. Она намеревалась держаться совершенно непринуждённо, как прежде, до той злополучной ночи, о которой Денис наверняка предпочел бы забыть, но не она.

Ей хотелось увидеть его гораздо сильнее, чем она решалась признаться даже себе.

— Вик, ты меня вообще слушаешь?

Виктория повернулась к подруге, собираясь ответить, но в это мгновение из глубины зала донёсся знакомый мужской смех.

Она узнала его сразу.

Денис стоял среди приятелей, чуть откинув голову, и смеялся над какой-то шуткой. На нём был тёмный костюм, небрежная элегантность которого особенно подчёркивала широкие плечи и высокий рост. Волнистые волосы стали

---

[5] Аскот (Ascot) — город в графстве Беркшир, к западу от Лондона. Его ипподром известен Королевскими скачками — Royal Ascot.

немного длиннее, лицо загорело, и в этой перемене было что-то необыкновенно привлекательное. Она невольно задержала взгляд на его губах, на знакомой линии подбородка, на сильных руках, которыми он сейчас обнимал старого приятеля.

Как же она соскучилась!

За этим человеком Виктория наблюдала с юности. Когда-то ей казалось забавным поддразнивать его из-за очередного увлечения, потом она научилась испытывать настоящую ревность, хотя Денис никогда не давал ей повода считать себя его возлюбленной. Он появлялся в их доме, принимал приглашения её родителей, сопровождал на вечерах, мог часами болтать с ней о пустяках — а потом уезжал к очередной девушке или на гонки, совершенно не замечая, как Виктория провожает его взглядом.

Сейчас, увидев его после долгого отсутствия, она почти забыла обо всём, что случилось между ними. Ей захотелось подойти, обнять его за шею, почувствовать его руки на своей талии. На мгновение она даже представила, как он повернётся, увидит её и обрадуется.

Но прежде чем Виктория успела сделать шаг, Денис повернулся к девушке, стоявшей рядом с ним.

Её светлое платье, длинные рыжие волосы и тонкая фигура сразу бросились в глаза. Она что-то рассказывала одному из молодых людей, а Денис, слушая, держал ладонь у неё на спине. Когда незнакомка рассмеялась, он наклонился к ней

и негромко произнёс несколько слов, предназначенных, очевидно, только для неё.

Виктория замерла.

Сначала она даже не поняла, отчего вдруг стало трудно дышать. Она знала эту девушку по имени, видела ее на фотографии у него дома, слышала о ней от Дениса и прекрасно помнила тот разговор, после которого он ясно дал понять, что никогда на ней, Виктории, не женится.

Оливия.

Конечно.

Ещё совсем недавно эта русская существовала где-то далеко, в другой стране, и Виктория могла утешаться хотя бы тем, что сама находится рядом с Денисом. Теперь же он привёз Оливию сюда, в их мир, к их общим друзьям, в общество людей, среди которых вырос.

И привёл как свою девушку.

— Виктория, что с тобой?

Она не ответила.

Оливия повернула голову, и Виктория впервые смогла рассмотреть её лицо. Та оказалась красивее, чем ей хотелось бы. Большие зелёные глаза, нежный овал лица, густые волосы необыкновенного медно-рыжего оттенка. В её манере держаться ощущалась некоторая осторожность, но улыбалась она искренне, и молодые люди, окружавшие пару, явно принимали её доброжелательно.

— Это кто с Денисом? — спросила одна из подруг.

Виктория медленно поставила бокал на столик.

— Его девушка. Из России.

— Та самая?

— Да.

Подруга ещё раз посмотрела в их сторону.

— Какая хорошенькая.

Виктория отвернулась.

Это замечание почему-то оказалось последней каплей.

Она сама прекрасно видела, что Оливия хорошенькая. Видела, как мужчины оглядываются на неё, как охотно заговаривают, как Денис следит за каждым её движением. И больше всего хотелось, чтобы всё происходящее оказалось нелепым недоразумением.

Ведь в его квартире, в ту ночь, он целовал её.

Виктория помнила поцелуи с мучительной отчётливостью. Помнила, как Денис обнимал её, как произносил слова любви, которых она ждала столько лет. Иногда по вечерам, оставаясь одна, она возвращалась к этим мгновениям и позволяла себе на несколько минут забыть, чем всё закончилось.

Но была одна подробность, от которой невозможно было избавиться.

Лисёнок.

Он назвал её так, прежде чем поцеловать.

А когда понял свою ошибку, оттолкнул с такой яростью, что она до сих пор помнила выражение его лица.

Виктория сжала пальцы.

В ту ночь он был пьян, совершенно потерял голову от тоски по русской девушке, и всё же именно её, Викторию, держал в своих объятиях. Она убеждала себя, что в этом должно было быть хоть что-нибудь настоящее. Иначе пришлось бы признать, что все те нежные слова принадлежали другой, а ей достались только чужие поцелуи.

— Пойду поздороваюсь, — произнесла она.

— Ты уверена? — осторожно спросила подруга.

Виктория посмотрела на неё с удивлением.

— А почему нет? Мы знакомы с Денисом почти всю жизнь.

Она взяла со столика сумочку, поправила тонкий жемчужный браслет и направилась через зал.

Ей понадобились все силы, чтобы идти спокойно.

— Денис!

Услышав знакомый голос, Северин обернулся.

Виктория приближалась к нему с приветливой улыбкой, и, когда между ними осталось всего несколько шагов, он почувствовал неприятное напряжение. Последняя встреча с ней слишком хорошо сохранилась в памяти, чтобы он мог теперь радоваться её появлению.

— Здравствуй, Вик.

Она потянулась было обнять его, но Денис ограничился коротким приветствием и сразу отступил, освобождая место для Оливии.

Виктория успела заметить это движение. Ещё год назад он позволил бы ей повиснуть у себя на шее, а теперь держался с холодноватой учтивостью, словно между ними никогда не существовало многолетней дружбы.

— Я слышала, ты вернулся, — сказала она, стараясь не выдать разочарования. — Почему не позвонил?

— Был занят экзаменами.

— Ах да, твоя медицина! Ты ведь никогда не умел отдыхать вовремя.

Денис не стал возражать.

— Познакомься, — произнёс он, взяв Оливию за руку. — Это Оливия Вишневская. А это Виктория Блейк, о которой я тебе рассказывал.

Оливия с интересом посмотрела на девушку.

Теперь она вспомнила фотографию, которую видела в квартире Дениса, и маленькую модель мотоцикла, подаренную ему давней подругой. В действительности Виктория оказалась ещё красивее: высокая, стройная, с тонкими чертами лица и великолепной осанкой, она носила тёмно-сапфировое платье с такой свободной уверенностью, словно совершенно не задумывалась о производимом впечатлении.

— Очень приятно познакомиться, — сказала Оливия.

— Мне тоже.

Виктория пожала ей руку и внимательно всмотрелась в зелёные глаза.

Вблизи Оливия казалась совсем юной. Виктория с неожи-

данным удовлетворением заметила некоторую настороженность в её взгляде и решила, что девушка чувствует себя здесь не особенно уверенно.

— Денис мне о тебе рассказывал, — продолжила Оливия. — Ты ведь подарила ему тот маленький мотоцикл, который стоит у него в кабинете?

Виктория на мгновение растерялась.

Она помнила этот подарок. Два года назад потратила немало времени, разыскивая нужную модель, потому что Денис тогда увлекался одним известным гонщиком. Узнать, что он до сих пор хранит её подарок, было приятно, но следом пришла другая мысль.

Значит, она уже живёт в его квартире.

Виктория посмотрела на Дениса.

— Ты всё-таки его сохранил?

— Разумеется.

Он ответил совершенно спокойно, и Виктория не нашла повода продолжить разговор.

— Ну что ж, Оливия, добро пожаловать в Лондон. Надеюсь, ты уже немного освоилась?

— Спасибо. Пока только начинаю.

— Если понадобится помощь, обращайся. Я здесь почти всех знаю, а с Денисом мы выросли вместе.

— Очень любезно с твоей стороны.

Оливия произнесла это искренне, однако Виктория почувствовала раздражение. Ей хотелось, чтобы незнаком-

ка смутилась, насторожилась, хотя бы заметила, насколько близко они с Денисом знакомы. Но та лишь вежливо поблагодарила её.

К Северину в это время подошёл пожилой мужчина, который, судя по приветствию, хорошо знал его семью. Они разговорились, и Виктория воспользовалась случаем, чтобы пригласить Оливию к своим подругам.

— Пойдём, я тебя познакомлю с девочками. А Денис пока пообщается со старыми знакомыми.

Оливия повернулась к нему.

— Я ненадолго, — сказал он, наклоняясь к ней. — Потом тебя найду.

Она кивнула и последовала за Викторией.

Девушки встретили Оливию приветливо, хотя некоторые взгляды оказались чересчур любопытными. Её расспрашивали о России, об учёбе, о том, давно ли она знакома с Денисом, и постепенно разговор приобрёл привычную для подобного общества лёгкость, при которой почти каждый новый вопрос возникал из предыдущего.

Оливия старалась отвечать свободно, но временами ей приходилось задумываться над английскими выражениями. Особенно трудно было следить за беседой, когда сразу несколько девушек начинали говорить о знакомых, чьи имена ничего ей не сообщали.

— Ты учишься на журналистике? — спросила одна из них.

— Да. В Москве. А здесь буду заниматься по университетской программе.

— Наверное, тебе интересно наблюдать за жизнью английского общества?

Оливия улыбнулась.

— Еще не решила.

— А ты когда-нибудь была в Аскоте?

— Нет.

— Тогда непременно должна съездить. Мы обычно собираемся там компанией.

— Если пригласите, с удовольствием.

Разговор перешёл к скачкам, летним приёмам и загородным встречам. Оливия слушала с любопытством, задавала вопросы, иногда смеялась над замечаниями собеседниц, но всё чаще чувствовала, что речь идёт о совершенно незнакомой ей жизни.

Она не испытывала зависти к их достатку. Скорее удивлялась тому, как естественно эти девушки говорили о вещах, которые ей прежде доводилось видеть только в журналах или по телевизору.

— А Денис давно не играл в поло, — заметила одна из собеседниц. — Вик, ты ведь помнишь, как мы ездили смотреть его игру?

— Конечно, — ответила Виктория.

Оливия повернулась к ней.

— Денис играет в поло?

— Играл, — поправила Виктория. — Довольно неплохо, между прочим. Хотя с его любовью к скорости я всякий раз удивлялась, как ему хватает терпения на лошадей.

— Он мне не рассказывал.

— Правда?

Виктория подняла брови с таким неподдельным, казалось бы, удивлением, что Оливии стало немного неловко.

— Да, как-то не заходил разговор.

— Ну конечно, — мягко согласилась Виктория. — У Дениса столько увлечений, что обо всех за один вечер не расскажешь.

Одна из девушек засмеялась.

— Да уж, особенно если вспомнить его юность.

— О, это была совершенно отдельная история! — подхватила Виктория, и подруги оживились.

Они принялись вспоминать какие-то поездки, вечеринки, знакомых молодых людей, а Оливия, слушая их, вдруг почувствовала себя ребёнком, случайно оказавшимся среди взрослых, которые весело обсуждают события, произошедшие задолго до его рождения.

Ей захотелось, чтобы Денис поскорее вернулся.

Она вовсе не боялась этих девушек. Просто у каждой из них было что вспомнить о нём, а ей оставалось лишь слушать.

— Ты, наверное, ещё многого о Денисе не знаешь, — произнесла Виктория, когда разговор ненадолго стих.

Оливия посмотрела на неё.

— Конечно. Мы ведь не с детства знакомы.

— Вот именно.

Виктория отпила шампанское.

— Иногда требуется очень много лет, чтобы понять человека. Особенно такого, как Денис. Он всегда поступает по-своему и совершенно не любит, когда ему пытаются что-нибудь навязать.

Оливия подумала о том, сколько раз Денис упрямо отстаивал собственные решения, и невольно улыбнулась.

— Это я уже заметила.

— Да? — Виктория внимательно посмотрела на неё.

— Он бывает ужасно упрямым.

— Бывает?

Оливия тихонько рассмеялась.

— Хорошо. Почти всегда.

На мгновение Виктория растерялась. Ей хотелось поставить незнакомку в неловкое положение, напомнить, насколько многим обязано их знакомство с Денисом долгим годам общей жизни. Но Оливия отвечала без раздражения и без попытки состязаться с ней в знании его привычек.

И почему-то именно это задевало ещё сильнее.

Виктория собиралась сказать что-то ещё, когда позади послышался голос Дениса.

— Ну как вы тут?

Он подошёл к Оливии и, заметив выражение её лица,

негромко спросил:

— Устала?

— Немного, — призналась она.

— Тогда пойдём. Я хотел показать тебе соседний зал. Там сейчас собираются ребята.

Оливия с облегчением согласилась.

— Очень приятно было познакомиться, — сказала она девушкам.

Те приветливо попрощались.

Виктория тоже улыбнулась.

— Надеюсь, ещё увидимся.

— Конечно.

Денис коротко кивнул ей.

— До встречи, Вик.

Она ответила не сразу.

— До встречи, Денис.

Он уже отвернулся, чтобы пропустить Оливию между креслами, и Виктория увидела, как та, проходя мимо, коснулась его руки. Денис ответил на это движение так привычно, что даже не посмотрел вниз.

Виктория долго провожала их взглядом.

Её мучило не столько то, что он привёл Оливию в клуб, сколько эта спокойная, ничем не подчёркнутая близость. Для Дениса было совершенно естественно держать девушку за руку, искать её взглядом, замечать усталость раньше, чем она успевала пожаловаться.

Она никогда не видела его таким.

И страшнее всего было признать, что он даже не старается произвести впечатление на неё. Ему просто хорошо рядом с Оливией.

— Ну? — спросила одна из подруг, когда Денис и Оливия скрылись за дверями соседнего зала.

Виктория повернулась к ней.

— Что — ну?

— Что ты о ней думаешь?

— А что я должна думать?

— Вик, перестань. Мы же видели твоё лицо, когда ты заметила их вместе.

Виктория поставила бокал на столик.

— Очередная девочка. Из Москвы. Приехала учиться на журналиста. Что ещё?

— Она мне понравилась, — призналась одна из девушек. — Очень милая.

— Я за неё рада.

— И Денис, кажется, совершенно от неё без ума.

Теперь Виктория резко подняла голову.

— Ты делаешь такие выводы после пяти минут наблюдения?

— Я знаю Северина не первый год.

— Я тоже. И гораздо лучше, чем ты.

Подруга замолчала.

Виктория отвернулась к окну, но почти сразу снова по-

смотрела в сторону дверей, за которыми исчезла пара.

Её раздражало всё: рыжие волосы Оливии, её скромное платье, та осторожность, с которой она вступала в разговоры, и даже её вполне понятное желание познакомиться с друзьями Дениса. Особенно невыносимым было то, что окружающие принимали девушку без малейшего удивления.

Словно она действительно имела право находиться здесь.

— А ведь ваши родители столько лет хотели вас поженить, — осторожно напомнила одна из подруг.

— И что?

— Ну, теперь…

— Что теперь?

Виктория повернулась к ней с таким выражением лица, что девушка осеклась.

— Ты хочешь сказать, что всё изменилось из-за этой русской?

— Я ничего такого не говорила.

— Тогда и не говори не подумав.

Она взяла бокал, но шампанское вдруг показалось ей отвратительным. Виктория поставила его обратно, даже не пригубив.

— Денис увлекается, — произнесла она после паузы. — Всегда увлекался. Просто раньше это были гонки, мотоциклы и девицы, которые ему нравились неделю или две. А теперь он нашёл себе новую забаву.

— Виктория, — тихо сказала одна из девушек, — по-мо-

ему, ты несправедлива.

— К кому?

— К ней. Она ведь тебе ничего не сделала.

Виктория посмотрела на подругу с изумлением.

Ничего не сделала?

Ей захотелось рассказать о той ночи в квартире Дениса. О его поцелуях, о том, как близко она была к исполнению своей мечты, прежде чем он вдруг произнёс чужое имя и оттолкнул её.

Но произнести это вслух значило бы признаться в том, что она до сих пор скрывала даже от самых близких подруг: Денис не просто отверг её. Он отверг её тогда, когда она уже успела поверить, что наконец стала для него желанной.

И всё ради женщины, с которой теперь спокойно разгуливал по клубу, представляя её своим друзьям.

— Она понятия не имеет, в какую жизнь пытается войти, — проговорила Виктория, стараясь совладать с голосом. — Ей кажется, что достаточно приехать сюда с Денисом, познакомиться с несколькими людьми, и всё остальное сложится само собой.

— Но Денис сам её привёз.

— Вот именно!

Слова вырвались резче, чем она намеревалась.

За соседним столиком кто-то повернул голову. Виктория немедленно понизила голос.

— Он привёз её сюда. Хотя прекрасно знает, что скажет

его отец. Знает, сколько всего связывает наши семьи. И всё равно привёл!

Она замолчала, почувствовав, что начинает терять самообладание.

Подруги переглянулись.

— Вик, послушай, — осторожно начала одна из них. — Может быть, тебе стоит просто поговорить с ним?

Виктория усмехнулась.

— О чём?

— О вас.

— Между нами нечего обсуждать.

Но, едва произнеся это, она поняла, насколько отчаянно хотела бы, чтобы всё было иначе.

Ей хотелось подойти к Денису, заставить его посмотреть на неё, спросить, неужели он действительно способен забыть всё, что их связывало. Ей хотелось напомнить о годах дружбы, о бесконечных вечерах в родительских домах, о том, что они всегда принадлежали одному кругу, понимали одни и те же шутки, знали одних и тех же людей.

А главное — хотелось, чтобы он вспомнил тот поцелуй.

Но Виктория знала, что услышит в ответ.

Он уже говорил ей всё, что думал. И она не могла вынести ещё одного такого разговора.

— В конце концов, — произнесла одна из подруг, — он ведь может действительно её любить.

Виктория медленно повернулась.

— Неужели ты считаешь, что я должна просто с этим смириться?

— Я считаю, что решать должен Денис.

От этих слов стало ещё больнее.

Потому что Денис уже решил.

Он сделал это задолго до нынешнего вечера, ещё тогда, когда вопреки воле отца попытался остаться в России со своей девушкой. А теперь привёз её в Лондон, в собственный дом, представил друзьям и даже не счёл нужным объясняться перед Викторией.

Она посмотрела на закрывшуюся дверь соседнего зала.

— Посмотрим, — тихо произнесла она.

— Что посмотрим?

— Как надолго её хватит.

Виктория поправила браслет и вновь принялась слушать разговор подруг, однако мысли её оставались далеко от обсуждавшихся скачек и предстоящих приёмов.

Она ещё не знала, что собирается предпринять. Пока ей было достаточно одного: Денис вернулся, находился в нескольких шагах, и между ними стояла девушка, о существовании которой Виктория предпочла бы забыть.

Смириться с этим она не могла.

Глава 5. Мой Лондон

Обратную дорогу Оливия почти не разговаривала. Денис, ещё оживлённый встречей со старыми друзьями, рассказывал о каких-то забавных происшествиях из университетской жизни, вспоминал людей, которых не видел почти год, и время от времени посматривал на неё, ожидая ответа. Она слушала, задавала вопросы, иногда смеялась вместе с ним, но стоило разговору прерваться, как мысли возвращались к оставленному позади клубу.

Её удивило, насколько легко Денис чувствовал себя среди этих людей. Он знал их привычки, понимал шутки, не нуждавшиеся в объяснениях, свободно переходил от одной беседы к другой. И Оливия была рада видеть его таким — весёлым, окружённым друзьями, с которыми его связывали многие годы.

Труднее оказалось другое.

Она и прежде понимала, что Денис вырос в обеспеченной семье, привык к хорошим вещам, дорогим автомобилям, путешествиям. Но одно дело — знать об этом, живя с ним в московской квартире, где они вдвоём готовили ужин, спорили из-за разбросанных учебников и по воскресеньям могли до полудня не вылезать из постели. И совсем другое — оказаться среди людей, для которых богатство было не заслуженным достатком, а естественным порядком жизни.

Особенно поразила её лёгкость, с какой обсуждались вещи, стоившие, вероятно, больше годового заработка обычного человека. Никто не хвастался, не стремился удивить собеседника. Напротив, разговоры велись с такой непринуждённостью, словно речь шла о самых обыкновенных покупках или семейных поездках.

Оливия не завидовала им. Ей даже нравилась эта особенная красота старинных залов, безукоризненная одежда, изящество манер. Она любила красивые вещи, умела их замечать и ценить. Однако вчера впервые почувствовала, насколько чуждой ей может оказаться жизнь, в которой подобное великолепие становится повседневностью.

Она слишком хорошо помнила свое детство.

Трудные девяностые, когда зарплату задерживали по полгода, а мать, возвращаясь после долгого рабочего дня, первым делом шла на кухню, стараясь из скудных запасов приготовить что-нибудь сытное для детей. Сама нередко оставалась голодной, уверяя, что уже поела на работе, и лишь много позже Оливия поняла, отчего у матери иногда кружилась голова и почему случались те страшные голодные обмороки, о которых в семье не любили вспоминать. Отец тоже возвращался измученным, с тревогами связанными с отсутствием денег, которые взрослые старались не обсуждать при детях, но у него всегда находилось время выслушать дочь, расспросить о школьных делах или помочь разобраться с очередной маленькой бедой, казавшейся ей тогда настоящим несча-

стьем.

И всё же в памяти Оливии те годы сохранились не только нуждой и тревогами. Были шумные семейные праздники, когда гостей и соседей рассаживали где придётся, за столом спорили, перебивали друг друга, пели старые песни и смеялись до слёз, нисколько не заботясь о том, насколько нарядно накрыт стол. Было детство с разбитыми коленками, зелёнкой на локтях, прятками до темноты и шалашами из картонных коробок, которые ребятня выпрашивала у продавщиц ближайшего магазина. Из старых покрывал сооружали крыши, из принесённых с помойки досок — скамейки, а внутри устраивали целое хозяйство из ненужной посуды, сломанных игрушек и всевозможных сокровищ, ценность которых понимали только дети. Были велосипеды, мелки на асфальте, резиночки, скакалки, бесконечные ссоры и примирения, а по вечерам — материнские голоса из распахнутых окон, на которые никто не торопился откликаться, вымаливая ещё хоть пять минут на улице.

Оливия помнила, как тяжело доставался родителям каждый прожитый день, но помнила и другое: сколько тепла умещалось в их скромном доме, как легко делились последним и как мало нужно было детям, чтобы чувствовать себя счастливыми. Именно эту простую, шумную, порой неустроенную жизнь она любила всей душой.

Вчера же она впервые за долгое время устала от необходимости следить за каждым словом и жестом, ей было не по се-

бе в своем простеньком платье среди этого блеска, но больше всего её беспокоило то, что Денис, кажется, этого не замечал.

— Лисёнок, ты совсем притихла, — сказал он, когда они остановились на светофоре. — Утомил я тебя своими приятелями?

— Немножко, — призналась она.

— Они всегда такие, когда долго не видятся. В следующий раз будет спокойнее.

Оливия повернулась к нему.

В следующий раз…

Она ещё не знала, хочет ли этого следующего раза.

— Твои друзья очень милые, — сказала она после паузы.

— Некоторые даже прилично себя вели.

Она рассмеялась и покачала головой.

— Денис, я серьёзно.

— И я. Ты бы видела их лет пять назад.

Он рассказал ещё одну историю, и Оливия снова засмеялась, на этот раз совершенно искренне. Ей нравилось слушать о его юности, узнавать смешные подробности, представлять, каким он был до их встречи.

Только за весельем этого разговора осталось нечто, чего ей так и не удалось объяснить самой себе.

Денис видел её усталость, но относил её к волнению, незнакомой компании и непривычной английской речи. Ему не приходило в голову, что сама обстановка могла заставить

Оливию усомниться в том, сумеет ли она когда-нибудь почувствовать себя среди этих людей свободно.

Он вырос здесь. Всё, что сегодня поразило её, для него давно стало привычным.

И Оливия не знала, как рассказать ему об этом, не задев того, что было ему дорого.

В воскресенье они проснулись поздно.

Оливия ещё лежала под одеялом, когда Денис вернулся из ванной и, заметив, что она открыла глаза, присел рядом.

— Доброе утро, Лисёнок.

— Уже утро?

— Если очень постараться, можно считать, что да.

Она потянулась, посмотрела на часы и недоверчиво покачала головой.

— Господи, сколько мы спали!

— И я сегодня собираюсь этим гордиться. Ведь за всю неделю первый раз никто не требовал от меня явиться куда-нибудь к восьми.

Оливия с удовольствием вытянулась на подушке.

— Тогда сегодня вообще никуда не пойдём.

— Ни в коем случае.

Она обернулась.

— Что?

— У меня другие планы.

— Северин, только не говори, что нас опять куда-нибудь пригласили.

Он заметил, как быстро исчезло с её лица сонное довольство, и удивился.

— Нет, родная. Сегодня мы вдвоём.

— Правда?

— Абсолютно.

Она с облегчением опустилась обратно на подушку.

Денис не придал особого значения её реакции. После вчерашнего вечера, когда им пришлось почти без перерыва разговаривать с десятками людей, желание отдохнуть от общества казалось вполне естественным.

— А что мы будем делать?

— Для начала ты встанешь с постели.

— Уже не нравится твой план.

— Потом оденешься.

— Всё хуже и хуже.

— А потом я покажу тебе одно место.

Она открыла один глаз.

— Какое?

— Где готовят самые вкусные булочки в Лондоне.

Оливия мгновенно села.

— Подожди. Той самой миссис Томпсон?

— Именно.

— Со сконами?!

Денис расхохотался.

— Лисёнок, умоляю, только не начинай опять!

Она уже смеялась вместе с ним, вспомнив собственные

предположения о загадочном английском животном, которое почему-то подавали к чаю.

— А у этих сконов действительно есть рога?

Он схватил подушку, которой она попыталась прикрыться, и притянул её к себе.

— Я тебе сейчас покажу сконов!

Оливия вскрикнула от смеха, вывернулась из его рук и босиком сбежала с постели.

— Всё! Я собираюсь!

— Пять минут, Лисёнок!

— Десять!

— Семь!

Она обернулась уже в дверях.

— Северин, не торгуйся с женщиной, когда обещал ей завтрак!

Он ещё смеялся, когда из ванной донеслось её торжествующее:

— И никакого домашнего кофе! Сегодня я хочу познакомиться с этой твоей укротительницей сконов - миссис Томпсон!

Вскоре они уже выбежали из подъезда. Оливия, успевшая по дороге вниз расспросить Дениса обо всех достоинствах английских булочек, нетерпеливо потянула его к противоположной стороне улицы.

— Ну где?

— Вон там, за углом.

— А ты говорил, что совсем рядом!

— Лисёнок, нам осталось пройти двадцать шагов.

— Значит, пошли быстрее!

Он рассмеялся и, пропустив её на тротуаре, сам взял за руку.

За поворотом обнаружилась небольшая булочная[6] со светлой деревянной вывеской и двумя столиками возле окна. В витрине были выставлены свежие пироги, корзины с выпечкой и целая гора золотистых булочек, от вида которых Оливия сразу почувствовала голод.

— Вот она? — спросила девушка.

— Она самая.

— Тогда чего мы стоим?

Денис открыл дверь, и над их головами негромко звякнул колокольчик.

За прилавком хлопотала пожилая женщина в светлом переднике. Увидев Дениса, она отложила полотенце и обрадованно всплеснула руками.

— Денис! Наконец-то! Я уже решила, что ты совсем забыл дорогу к нам.

— Доброе утро, миссис Томпсон.

— Какое же доброе утро! Уже почти обед, молодой человек!

---

[6] Булочная миссис Томпсон находится, согласно роману, неподалёку от лондонского дома Дениса. Её собственное название, улица и номер дома в тексте не указаны.

— Тогда мы как раз вовремя. Ужасно проголодались.

Она добродушно пожурила его за долгое отсутствие, а затем заметила стоявшую рядом Оливию.

— А это кто у нас?

— Познакомьтесь, миссис Томпсон. Оливия.

Пожилая женщина перевела взгляд с девушки на Дениса, потом снова на Оливию, и её лицо осветилось лукавой улыбкой.

— Ах, вот оно что! Теперь понятно, почему ты так долго не появлялся.

Оливия почувствовала, как Денис незаметно коснулся её спины, приглашая пройти к столику.

— Вы совершенно неправильно обо мне думаете, — с невинным видом ответил он.

— Ну разумеется! — отозвалась хозяйка. — Садитесь, садитесь. Сейчас всё принесу.

— Мы хотели попробовать ваши знаменитые сконы, — сказала Оливия.

Денис тотчас отвернулся к окну.

Она заметила, как подозрительно дрогнули его плечи, и прикусила губу.

Миссис Томпсон просияла.

— Вот как! Значит, Денис всё-таки рассказывал обо мне?

— Очень много, — совершенно серьёзно ответила Оливия.

— Надеюсь, хорошего?

— Исключительно!

Она выдержала его взгляд, исполненный такой откровенной мольбы не продолжать, что едва не расхохоталась прямо перед хозяйкой.

— Тогда сейчас всё попробуете сами, — пообещала миссис Томпсон и отправилась за заказом.

Как только она скрылась за дверью кухни, Денис наклонился через стол.

— Оливия, только попробуй.

— Что?

— Ты прекрасно знаешь.

— Я ничего не говорила!

— Пока.

Она прикрыла рот ладонью, чтобы не рассмеяться слишком громко.

— Господи, Денис, ну я же не знала!

— Представляю, что бы она сказала, услышав про стадо сконов.

— Тише!

Теперь Оливия сама испуганно оглянулась на кухонную дверь, чем окончательно его развеселила.

Они сидели друг напротив друга, никак не могли перестать смеяться и всякий раз, когда один наконец успокаивался, другой непременно находил повод начать снова.

Так их и застала миссис Томпсон, вернувшаяся с подносом.

— Что это у вас тут такое весёлое?

— Да вот, — ответил Денис с невозмутимым видом, — обсуждаем особенности английской кухни.

— И что же вы о ней думаете, Оливия?

Девушка посмотрела на него, едва сдерживая новый приступ смеха.

— Пока только предвкушаю знакомство.

Хозяйка довольно кивнула.

— Ну вот и прекрасно!

Она поставила перед ними чайник, две чашки, блюдца с густыми сливками и клубничным джемом, а в центре стола — корзинку с ещё тёплыми сконами.

Оливия взяла один, осторожно разломила пополам. Под тонкой золотистой корочкой открылось нежное, рассыпчатое тесто, от которого поднимался лёгкий пар.

— А теперь сливки, дорогая, — подсказала миссис Томпсон. — И немного джема.

Оливия послушно намазала половинку, попробовала и от неожиданности даже перестала улыбаться.

— Ну как? — спросила хозяйка.

— Очень вкусно! — выдохнула она. — Правда, необыкновенно!

Миссис Томпсон довольно расправила передник.

— Вот и славно. Кушайте на здоровье, а я пока займусь другими гостями.

Едва она отошла, Денис вопросительно поднял брови.

— Ну что, Лисёнок? Стоило ради них приезжать в Англию?

Оливия, занятая второй половинкой булочки, ответила не сразу.

— Знаешь… пожалуй, стоило.

Он изобразил глубокую задумчивость.

Они снова рассмеялись.

За соседним столиком пожилой джентльмен неторопливо читал газету. Две женщины возле витрины обсуждали покупки, время от времени обращаясь к хозяйке. Та знала почти всех посетителей по имени, справлялась о здоровье чьих-то внуков, советовала попробовать новый пирог и между делом успевала добродушно подтрунивать над Денисом.

Оливия с удовольствием слушала её.

Вот здесь не нужно было стараться угадать невысказанный смысл любезной фразы, следить за чужими взглядами или мучительно подбирать подходящую тему для разговора. Можно было просто пить горячий чай, есть свежую выпечку и смеяться с любимым человеком над шуткой, понятной только им двоим.

Когда миссис Томпсон в очередной раз подошла к столику, Оливия сама спросила, давно ли она знает Дениса.

— О, много лет! Он ещё школьником сюда бегал. Вечно куда-то торопился, но на булочки время находил.

— Неужели?

— А как же! И всегда говорил, что голодный, словно его

дома совсем не кормят.

— Миссис Томпсон, — с укором произнёс Денис, — вы сейчас разрушите всю мою репутацию.

— Ничего подобного, дорогой. Уверена, Оливии будет полезно узнать, каким ты был мальчишкой.

Оливия с неподдельным удовольствием подхватила:

— Обязательно! Я внимательно слушаю.

— Вот видите, что вы наделали? — обратился Денис к хозяйке.

Та лишь отмахнулась и ушла к новым посетителям, а Оливия ещё некоторое время расспрашивала его о школьных годах, пока не обнаружила, что в корзинке осталась всего одна булочка.

Она потянулась к ней одновременно с Денисом.

Их руки встретились над корзинкой.

— Северин!

— Что?

— Это моя!

— На каком основании?

— Я первая увидела.

— Сомнительный довод.

Оливия посмотрела на него с таким возмущением, что Денис немедленно уступил.

— Ладно, забирай, обжора.

— Спасибо, дорогой.

Она победно разломила скон пополам и протянула ему

большую половину.

Он принял её, на мгновение задержав пальцы на её руке.

— Всё-таки добрая ты у меня.

— А ты сомневался?

— Ни секунды, Лисёнок.

Когда они наконец собрались уходить, миссис Томпсон положила им в бумажный пакет ещё несколько булочек, решительно отказавшись брать за них деньги.

— На прогулку, — объяснила она. — Чтобы не пришлось искать, где перекусить.

Оливия тепло поблагодарила её, а на прощание хозяйка поцеловала Дениса в щёку и велела заходить по чаще.

Выйдя на улицу, они ещё несколько шагов шли молча, пока Оливия вдруг не остановилась и не обняла его за шею.

— Денис, какая же она замечательная!

— Я ведь говорил.

— И булочки у неё действительно невероятные.

Он поцеловал её и взял за руку.

Оливия потянула его дальше, не спрашивая о дороге, и Денис с удивлением заметил, что она почти вприпрыжку идёт рядом, разглядывая витрины, людей и дома с тем прежним, жадным любопытством, которое ему так нравилось.

Вчерашняя усталость, осторожность, необходимость постоянно контролировать себя — всё осталось где-то далеко, за тяжёлыми дверями клуба.

А здесь была она сама.

Та самая Оливия, которую он полюбил.

Они не стали возвращаться за машиной. Денис предложил пройтись пешком, а затем воспользоваться метро, и Оливия охотно согласилась.

Воскресный Лондон жил своим неторопливым распорядком. Возле уличных кафе уже расселись посетители, из небольших магазинов выходили люди с покупками, а на остановках собирались семьи, отправлявшиеся на прогулку. Оливия время от времени останавливалась, чтобы рассмотреть какую-нибудь старую вывеску, заглянуть в витрину книжной лавки или понаблюдать за прохожими.

Денис терпеливо ждал, не пытаясь торопить её.

Когда они добрались до Сент-Джеймсского парка[7], Оливия невольно замедлила шаг.

Перед ними открылась широкая зелёная аллея, по обеим сторонам которой росли старые деревья с мощными стволами. Сквозь листву просматривалось озеро; на воде медленно двигались лебеди, возле берега теснились утки, а по дорожкам прогуливались семьи с детьми.

Оливия глубоко вдохнула.

— Господи, как здесь хорошо!

Денис посмотрел на неё с улыбкой.

— Нравится?

— Очень.

---

[7] Сент-Джеймсский парк (St James's Park) — королевский парк в центре Лондона, между Букингемским дворцом и Уайтхоллом, с озером и островами.

Она остановилась возле невысокой ограды, за которой начинался спуск к воде.

На противоположном берегу пожилая пара кормила птиц, чуть дальше мальчик в красной куртке пытался уговорить мать позволить ему подойти к самому озеру. Девочка лет пяти, не обращая внимания на взрослых, старательно собирала шишки в маленький бумажный пакет.

Оливия наблюдала за ними с таким интересом, словно перед ней разыгрывался необыкновенный спектакль.

— Денис, посмотри на этого мальчишку. Он сейчас обязательно полезет в воду.

— Думаешь?

— Уверена.

И действительно, не прошло и минуты, как мальчик, воспользовавшись тем, что мать отвлеклась, попытался спуститься к воде. Женщина вовремя подхватила его за капюшон, и Оливия не удержалась от смеха.

— Вот видишь!

— Признаю, ты прорицательница.

Они прошли немного дальше и устроились на скамейке возле озера.

Некоторое время Оливия молчала, наблюдая за людьми. Потом, повернувшись к Денису, неожиданно сказала:

— Знаешь, мне здесь гораздо больше нравится, чем вчера.

Он посмотрел на неё.

— В клубе?

— Да.

Она помедлила, словно решая, стоит ли продолжать.

— Только ты не подумай, что мне не понравились твои друзья. Они очень милые. Просто…

Денис подождал.

— Просто что, родная?

— Не знаю, как объяснить. Там всё какое-то… безупречное. Даже люди. Красивые, ухоженные, прекрасно одетые. Они умеют говорить о чём угодно, никогда не теряются, знают, как себя вести. А я весь вечер боялась что-нибудь сделать не так.

Он слегка нахмурился.

— Разве кто-нибудь тебя обидел?

— Нет.

— Тогда почему ты так переживала?

Оливия опустила глаза.

— Потому что я там чужая, Денис.

Он хотел возразить, но она продолжила:

— Не в том смысле, что меня плохо встретили. Наоборот. Просто я всё время чувствовала, насколько мы разные. Вы так живёте с детства, и для вас это привычно. А я… Я ведь совсем другая.

Денис взял её руку.

— Лисёнок, тебе не нужно никого из себя изображать.

Она посмотрела на него.

— Я и не хочу. Вот в том-то всё и дело.

В этих простых словах прозвучало столько искренней досады, что он удивился.

Оливия отвернулась к озеру.

— Я вчера смотрела на Викторию и её подруг. Они прекрасные девушки, спорить не буду. Но у них всё как будто заранее определено. Куда ездить, с кем дружить, как одеваться, о чём говорить. И все так легко этому следуют… А мне даже представить трудно, что я когда-нибудь буду жить подобным образом.

Она помолчала.

— Понимаешь, если мне придётся всё время стараться быть похожей на них, то однажды я просто перестану быть собой.

Денис слушал внимательно, но полного смысла её тревоги ещё не улавливал. Ему казалось, что Оливию смутило незнакомое общество, что со временем, когда она лучше узнает его друзей, неловкость непременно пройдёт.

— Да никто от тебя этого не требует, родная, — сказал он.

— Я знаю.

Она произнесла это негромко, и он не заметил, что ответ совсем её не успокоил.

Ведь Оливию пугали не прямые требования. Никто не говорил ей, что следует изменить причёску, купить другое платье или научиться непринуждённо беседовать о скачках и фамильных поместьях.

Но она уже почувствовала незримую границу между со-

бой и этим обществом. И не была уверена, что сумеет её переступить, не оставив по другую сторону что-то важное, принадлежащее только ей самой.

— Знаешь, — сказала она после паузы, — мне больше нравятся такие места, как это. Где можно просто гулять, смотреть на людей, разговаривать.

Денис улыбнулся и притянул её ближе.

— Тогда давай договоримся: в следующий раз, когда нас куда-нибудь пригласят, ты сама решишь, хочешь ли идти.

— А ты?

— А я пойду с тобой или останемся дома. Какая разница?

Она посмотрела на него с неожиданной нежностью.

— Денис, но ведь это твои друзья.

— Друзья от меня никуда не денутся, Лисёнок.

Он осторожно коснулся губами её виска.

— Послушай. Я рад, что вы познакомились. Мне хотелось, чтобы ты увидела людей, с которыми я вырос. Но я не собираюсь превращать нашу жизнь в бесконечные светские вечера. У меня есть дела поинтереснее.

— Например?

Он посмотрел ей прямо в глаза.

— Например, быть с тобой.

Оливия опустила голову ему на плечо.

— Как же я тебя люблю, Северин.

— А я тебя, родная.

Они немного посидели молча. С берега доносились дет-

ские голоса, возле самой воды ссорились две утки, а по дорожке неподалёку неторопливо прошёл пожилой господин с газетой под мышкой.

Денис осторожно сжал её ладонь.

— Знаешь, Лисёнок, у меня здесь действительно очень многое связано с прошлым. Друзья, знакомые, места, куда я ходил с детства. Я рад снова их видеть. Но если ты думаешь, что я когда-нибудь предпочту всему этому тебя…

Он остановился, заметив, что сказал совсем не то, что хотел, и тихо усмехнулся.

— Чёрт, даже выразиться нормально не могу.

Оливия подняла голову.

— А ты попробуй.

Денис посмотрел на неё уже без улыбки.

— Я выбираю тебя, Оливия. Всё остальное в моей жизни может меняться. А тебя я терять больше не хочу.

Она молчала, глядя на него.

— Ты ведь это знаешь, родная?

Оливия кивнула.

Она знала.

И всё же вчерашняя тревога не исчезла окончательно. Ей стало легче от его слов, от тепла его руки и самой возможности находиться рядом, не опасаясь чужих взглядов. Но Денис пока не понимал, насколько глубоко её задело столкновение с миром, которому он принадлежал с рождения.

Она не стала возвращаться к этому разговору.

Вместо этого осторожно поцеловала его и, заметив возле соседнего дерева белку, вдруг оживилась.

— Денис, смотри!

— Что там?

— Белка!

Она уже поднялась со скамейки.

Денис рассмеялся.

— Лисёнок, ты только что так серьёзно рассуждала о жизни…

— Потом продолжим!

И она потянула его за собой к деревьям.

Белка, заметив приближение людей, ловко перебежала на другую сторону ствола и выглянула из-за него. Оливия остановилась, стараясь не спугнуть зверька, однако тот, судя по всему, вовсе не собирался прятаться. Напротив, спустился ниже, посидел немного на толстой ветке и наконец спрыгнул на дорожку.

— Какая смелая, — удивилась Оливия.

— Местная жительница. К людям привыкла.

Возле озера продавали небольшие пакетики с орехами для белок. Денис купил один, и Оливия, получив угощение, немедленно вернулась к дереву.

Она присела, положила орех на раскрытую ладонь и терпеливо ждала, пока зверёк решится приблизиться.

Белка несколько раз подбегала и останавливалась, подозрительно поглядывая то на девушку, то на лакомство. Нако-

нец, убедившись, что опасности нет, она метнулась вперёд, схватила орех, но вместо того, чтобы сразу убежать, поставила передние лапки на рукав Оливии.

— Ой!

Денис обернулся.

— Что?

— Она на меня лезет!

Он не успел ничего ответить: белка неожиданно вскарабкалась выше, на мгновение оказалась у самого плеча девушки и, оттолкнувшись от ткани, перескочила на соседнюю ветку.

Оливия вскочила с таким изумлённым лицом, что Денис расхохотался.

— Северин! Ты видел?!

— Видел, родная.

— Она прямо по мне пробежала!

— Наверное, решила, что ты её родственница.

— Почему это?

— Ну как же? Рыжая, любит поесть…

Оливия возмущённо замахнулась на него пустым пакетиком.

— Ах ты негодяй!

Он увернулся, перехватил её за талию и, всё ещё смеясь, притянул к себе.

— Лисёнок, осторожнее. Ты сейчас всех белок распугаешь.

Она ещё несколько раз оглянулась на дерево, где белка невозмутимо расправлялась с добычей, а потом, ухватив Дениса за руку, потянула дальше.

Они шли вдоль озера, останавливались посмотреть на птиц, сворачивали на дорожки, которые понравились Оливии, и иногда возвращались обратно, обнаружив, что за деревьями открывается особенно красивый вид. Денис рассказывал о парке, вспоминал школьные прогулки, но вскоре заметил, что Оливию гораздо больше интересует не история старых аллей, а люди, приходившие сюда провести воскресный день.

Они незаметно обошли почти всё озеро и вышли на другую аллею, когда Денис вдруг остановился.

— Лисёнок, а теперь я хочу показать тебе кое-что совсем другое.

— Ещё один парк?

— Нет.

— Музей?

— Тоже нет.

Она посмотрела на него с подозрением.

— Ты сегодня собираешься держать меня в неведении до самого вечера?

— Если понадобится.

— Какой же ты несносный, Северин!

— Зато со мной не скучно.

Он поймал её ладонь, поцеловал и направился к выходу

из парка.

За разговорами, они добрались до небольшого переулка, где Денис неожиданно замедлил шаг.

— Пришли.

Оливия огляделась.

Перед ней стоял старый кирпичный дом с узкими окнами и тёмно-зелёной дверью. Над витриной висела деревянная вывеска, на которой позолоченными буквами было написано:

Harrington & Sons Booksellers[8].

— Книжный магазин? — удивилась она.

— Не просто книжный. Пойдём.

Он открыл дверь, пропуская её вперёд.

Над головой звякнул небольшой медный колокольчик.

Внутри было тихо. Высокие шкафы, заставленные книгами, занимали почти всё пространство; вдоль стен тянулись застеклённые витрины со старинными изданиями, а между ними оставались узкие проходы. На лестнице, приставленной к одному из стеллажей, стоял пожилой мужчина в сером жилете и осторожно доставал с верхней полки толстый том.

Услышав колокольчик, он обернулся.

Сначала посмотрел на Оливию, потом на Дениса — и замер.

---

[8] «Харрингтон и сыновья. Книжный магазин» (англ.). Лавка Эдварда Харрингтона описана в романе в одном из лондонских переулков; её точный адрес не назван.

— Денис, сынок?

Северин улыбнулся.

— Добрый день, мистер Харрингтон.

Старик поспешно спустился с лестницы, оставил книгу на ближайшем столе и направился к нему.

— Ну наконец-то! — воскликнул он, крепко пожимая Денису руку. — Я уже начал думать, что ты навсегда забыл дорогу в мою лавку!

— Простите. Давно хотел зайти.

— Все вы так говорите! Сначала обещаете навещать старика, а потом исчезаете на целый год.

Несмотря на ворчливый тон, мистер Харрингтон смотрел на Дениса с такой искренней радостью, что Оливия невольно улыбнулась.

— Как учёба? — продолжил старик. — Всё ещё собираешься стать хирургом?

— Собираюсь.

— Вот и прекрасно. Надеюсь, ты хотя бы иногда читаешь что-нибудь, кроме своих медицинских ужасов?

— Стараюсь.

— Старается он! — Харрингтон укоризненно покачал головой и только теперь обратил внимание на спутницу молодого человека.

Он посмотрел на неё с любопытством, затем снова на Дениса, и в его глазах появилось лукавое выражение.

— А вот это уже интересно.

Денис взял Оливию за руку.

— Познакомьтесь. Это Оливия.

Старик слегка поклонился.

— Эдвард Харрингтон. Очень рад, дорогая.

— Мне тоже приятно познакомиться, — ответила она.

— Значит, вот кто заставил нашего Дениса забыть старых друзей!

— Я совсем не заставляла, — рассмеялась Оливия.

— Тогда дело ещё серьёзнее, чем я думал!

Денис покачал головой.

— Мистер Харрингтон, не начинайте.

— Я? Да разве я что-нибудь сказал?

Старик улыбнулся Оливии, потом внимательно посмотрел на Дениса.

— Ну что, покажешь ей своё любимое место? Или теперь тебя интересуют только университетские библиотеки?

— Конечно покажу.

— Тогда поднимайтесь. Я сейчас принесу чай.

Он указал на небольшую лестницу в глубине магазина.

Денис повёл Оливию наверх.

Ступени были узкими, деревянными, посередине заметно потёртыми от долгих лет. На втором этаже находилось ещё несколько книжных шкафов, но главным здесь было большое окно, выходившее на крыши соседних домов. Возле него стояли два старых кожаных кресла, а между ними — круглый столик с потемневшей от времени столешницей.

Денис остановился у одного из кресел.

— Вот.

Оливия огляделась.

— Что?

— Здесь я проводил половину своей юности.

Она посмотрела на него с удивлением.

— В книжном магазине?

— Представь себе.

— А я думала, ты всё свободное время гонял на мотоцикле.

— У меня была довольно разнообразная жизнь.

Она засмеялась, но Денис уже сел в старое кресло, испытующим взглядом оглядел подлокотники и с явным удовольствием откинулся на спинку.

— Ничего не изменилось.

Оливия устроилась напротив.

— Расскажи.

— Что именно?

— Почему ты сюда приходил?

Он немного помолчал, рассматривая книжные полки.

— Когда мне было лет шестнадцать, я почти каждую неделю сбегал сюда после школы. Иногда даже не успевал переодеться. Харрингтон разрешал сидеть сколько угодно, хотя я мог за целый день ничего не купить.

— А что ты читал?

— Всё подряд. Приключения, исторические романы, кни-

ги о путешествиях. Потом начал таскать сюда медицинские справочники, чем окончательно испортил отношения с хозяином.

— Неправда! — раздался голос мистера Харрингтона, который как раз появился на лестнице с подносом. — Я всегда говорил, что медицина — прекрасное занятие. Только совершенно непонятно, зачем молодой человек добровольно лишает себя всей остальной литературы.

Он поставил на столик чайник, две чашки и небольшое блюдо с печеньем, налил чай, некоторое время посидел с ними, вспоминая книжные новинки и прежних посетителей, а затем извинился: внизу кто-то настойчиво позвонил в колокольчик.

— Располагайтесь. Вы знаете, где меня найти.

Когда его шаги стихли на лестнице, Оливия взяла чашку и с любопытством посмотрела на Дениса.

Денис улыбнулся, но потом взгляд его вновь остановился на старом кресле.

— Знаешь, мне здесь действительно было хорошо.

Оливия перестала смеяться.

— Почему?

Он задумался.

— Наверное, потому, что Харрингтон никогда не торопился меня прогонять. Даже когда я часами сидел и почти не разговаривал.

Она молчала, ожидая продолжения.

— Дома бывало по-разному. Отец постоянно отсутствовал, с преподавателями можно было обсуждать только занятия. А здесь Харрингтон всегда находил время спросить, что я читаю, как прошёл день. Иногда приносил чай и садился рядом. Мы разговаривали о книгах, о путешествиях, обо всём на свете.

Денис провёл ладонью по потёртому подлокотнику.

— Я тогда даже не понимал, насколько мне это было нужно.

Оливия смотрела на него, и перед её глазами постепенно возникал совсем другой Денис — не тот уверенный молодой человек, который вчера непринуждённо беседовал в роскошном клубе, а шестнадцатилетний мальчишка, сидевший здесь после школы и не желавший возвращаться в большой пустой дом.

Она знала историю его детства. Знала о матери, которую Денис долгие годы считал погибшей, о брате, разлучённом с ним, о суровом отце и долгих годах одиночества.

Но сейчас, сидя в этой маленькой комнате, она словно впервые увидела, как проходили его обыкновенные дни. Не самые страшные, не отмеченные большими событиями, а те, из которых складывается целая жизнь.

— Денис…

Он поднял голову.

Оливия пересела к нему, устроилась на широком подлокотнике и обняла за плечи.

— Как же хорошо, что у тебя был мистер Харрингтон.

Денис прижал её к себе.

— Да, Лисёнок. Мне с ним повезло.

Она поцеловала его в волосы и некоторое время оставалась рядом, разглядывая книги на полках.

Потом поднялась, подошла к ближайшему шкафу и принялась читать названия.

Среди старых томов в потёртых переплётах её внимание привлекла небольшая книга, на корешке которой сохранились едва различимые золотые буквы. Оливия осторожно вытащила её и раскрыла.

На первой странице аккуратным почерком было написано:

«Денису Северину. Никогда не переставай искать ответы. Иногда они прячутся именно там, где никто не догадается искать.

Эдвард Харрингтон. 2002 год».

Оливия долго рассматривала надпись.

— Денис, иди сюда.

Он поднялся, подошёл к ней и, увидев книгу, сразу узнал её.

— А, вот она где.

— Это он тебе подарил?

— На день рождения.

— Тебе тогда было шестнадцать?

— Да.

Она осторожно перелистнула несколько страниц.

— А почему книга здесь?

— Я попросил Харрингтона оставить её в магазине, чтобы я всегда сюда возвращался.

Оливия закрыла том и посмотрела на него.

— Ты ведь очень любишь этого старика.

Денис не стал отшучиваться.

— Очень.

Она бережно вернула книгу на прежнее место.

Когда они спустились вниз, мистер Харрингтон как раз заворачивал покупателю несколько старинных изданий. Увидев Дениса, он попросил подождать, закончил с посетителем и вышел из-за прилавка.

— Уже уходите?

— Боюсь, да.

— Что ж, тогда хотя бы обещай не исчезать ещё на год.

— Обещаю.

Старик пожал ему руку, затем повернулся к Оливии.

— А вы, дорогая, приходите, когда захотите. Даже без этого молодого человека. У нас всегда найдётся интересная книга и чашка чая.

— Спасибо вам, мистер Харрингтон. Я обязательно приду.

Она сказала это с такой искренней теплотой, что старик довольно улыбнулся.

— Вот и прекрасно. А теперь идите гулять, пока не стем-

нело.

Денис уже взялся за дверную ручку, когда Харрингтон вдруг окликнул его:

— Денис!

Он обернулся.

— Да?

Пожилой книготорговец посмотрел на Оливию, потом снова на него, но вместо ожидаемой шутки произнёс совсем просто:

— Рад, что у тебя всё хорошо, мальчик мой.

Денис на мгновение задержался у двери.

— Спасибо, мистер Харрингтон.

Они вышли на улицу.

Оливия оглянулась на зелёную вывеску, на старые окна, за которыми виднелись книжные шкафы, и снова взяла Дениса под руку.

— Знаешь, я теперь ещё больше люблю твой Лондон.

— Даже после вчерашнего?

Она посмотрела на него.

— Особенно после вчерашнего.

Денис усмехнулся, решив, что она окончательно освоилась и прежнее волнение осталось позади.

А Оливия думала о другом.

Вчера она увидела людей, которые знали его с детства, помнили семейные праздники, поездки и развлечения. Сегодня — человека, который когда-то давал ему гораздо бо-

лее необходимое: возможность прийти куда-нибудь без приглашения, просто потому, что здесь ему были рады.

И именно это делало маленькую книжную лавку ближе её сердцу, чем великолепные залы вчерашнего клуба.

Она прижалась к Денису, и они пошли дальше по узкому переулку, разговаривая о прочитанных книгах, о старике Харрингтоне и о тех местах, которые ещё хотелось увидеть.

Некоторое время они шли молча, наслаждаясь редкой возможностью никуда не торопиться. За последние дни Оливия успела полюбить подобные прогулки: стоило Денису свернуть с оживлённой улицы, как за углом непременно обнаруживалось что-нибудь любопытное — крошечный дворик с цветами, антикварная лавка или старый дом, о котором он мог рассказать целую историю.

Однако на этот раз Денис, поглядывая на часы, уверенно вёл её к станции метро.

— Мы уже домой? — удивилась она.

— Устала?

— Нет. А что?

— Тогда рано домой.

Он потянул её за руку, ускоряя шаг.

— Пойдём, Лисёнок. Хочу показать тебе ещё кое-что.

— Опять сюрприз?

— Увидишь.

— Северин, ну хоть намекни!

— Хорошо. Ты об этом читала.

Оливия задумалась.

— О чём?

— В одной очень известной книге.

— Какой именно?

— Даже в нескольких.

Она остановилась.

— Денис! Ты понимаешь, сколько на свете известных книг?

— Вот и подумай.

Он выглядел настолько довольным собственной загадкой, что Оливия не выдержала и ткнула его пальцем в бок.

— Негодяй!

Денис рассмеялся, обнял её за плечи и повёл дальше.

Когда они вышли на Кингс-Кросс[9], Оливия окончательно растерялась.

Перед ней возвышалось огромное здание вокзала, наполненное привычной для подобных мест суетой. Пассажиры торопились к поездам, катили чемоданы, сверялись с расписанием. Где-то объявляли посадку, возле киосков покупали газеты, а у информационного табло пожилой мужчина тщетно пытался сложить карту, которая никак не желала поддаваться.

— Мы куда-то едем? — спросила Оливия.

— Нет.

---

[9] Кингс-Кросс (King's Cross) — лондонский железнодорожный вокзал на Юстон-роуд, рядом с вокзалом Сент-Панкрас.

— Тогда зачем нам вокзал?

— Сейчас узнаешь.

Она подозрительно посмотрела на него.

— Только не говори, что ты собираешься отправить меня обратно в Москву.

— Даже не надейся, Лисёнок. Я тебя только что оттуда привёз.

Он взял её за руку и повёл вдоль платформ.

Оливия с любопытством поглядывала по сторонам, пока Денис не остановился возле кирпичной стены и не отступил на шаг, предоставляя ей возможность самой увидеть то, ради чего они приехали.

Она сначала посмотрела на него, потом туда, куда был обращён его взгляд.

На стене висела небольшая табличка.

Платформа 9¾[10].

А под ней находилась багажная тележка, половина которой словно исчезла в кирпичной кладке.

Оливия застыла.

— Нет…

Она подошла ближе, прочитала табличку ещё раз и медленно повернулась к Денису.

— Северин…

---

[10] Платформа 9¾ — вымышленная платформа вокзала Кингс-Кросс в книгах о Гарри Поттере. На настоящем вокзале установлены посвящённые ей табличка и багажная тележка, словно уходящая в стену.

Он молчал, с явным удовольствием наблюдая за её растерянностью.

— Денис! — Голос её неожиданно взлетел. — Это же платформа девять и три четверти!

Несколько пассажиров обернулись.

— Тише, Лисёнок, — рассмеялся он. — А то маглы тебя услышат.

— Ты знал?! Ты всё это время знал, что она здесь?!

— Ну, вообще-то это довольно известное место.

— И ни слова мне не сказал!

Оливия бросилась ему на шею, крепко обняла и расцеловала обе щеки, нимало не заботясь о том, что находится посреди оживлённого вокзала.

— Какой же ты замечательный!

— Подожди, родная, ты ещё даже на поезд не села.

Она расхохоталась и немедленно потянула его к стене.

Тележка действительно выглядела так, словно кто-то с разбегу попытался провести её сквозь кирпичную перегородку. Оливия осторожно коснулась металлической ручки, обошла её, насколько позволяла стена, и снова посмотрела на Дениса.

— А ты пробовал?

— Что именно?

— Пройти!

Он сделал самое серьёзное лицо, на какое был способен.

— Конечно.

— И?!

— Как видишь, вернулся.

Оливия прищурилась.

— Ты сейчас врёшь.

— Совсем немного.

— Денис!

Она засмеялась, а потом, словно решившись на нечто чрезвычайно важное, поставила сумку возле его ног и обеими руками взялась за тележку.

— Всё. Я пошла.

— Удачи, Лисёнок.

— А если не вернусь?

— Найду.

Она оглянулась на него через плечо.

— Даже в Хогвартсе?

— Даже там.

Оливия сделала два быстрых шага, но перед самой стеной остановилась.

— Нет!

Денис расхохотался.

— Что случилось?

— А вдруг действительно получится?!

— Тогда будешь писать мне письма совиной почтой.

Она посмотрела на него так, будто он предложил нечто совершенно разумное.

— Между прочим, это было бы очень романтично.

— Пока сова долетит из Шотландии до Лондона, я уже сам к тебе приеду.

— На мотоцикле?

— На чём придётся.

Оливия рассмеялась и снова взялась за ручку тележки.

Вскоре они уже фотографировали друг друга. Она с совершенно серьёзным видом изображала попытку попасть на волшебную платформу, а Денис, едва удерживая смех, просил её не оглядываться в последний момент. Потом Оливия потребовала, чтобы он тоже встал возле стены, и долго выбирала нужный ракурс, заставляя его то наклониться, то повернуть голову.

— Вишневская, ты меня точно фотографируешь?

— Не мешай! Я хочу, чтобы было красиво.

— А до этого, значит, было некрасиво?

— До этого ты всё время смеялся!

— Попробуй не смеяться, когда тобой командует такая невыносимая женщина.

Наконец Оливия осталась довольна снимками.

Она ещё раз посмотрела на табличку, провела ладонью по холодным кирпичам и тихо произнесла:

— Представляешь, Денис, когда я читала эти книги, мне казалось, что всё это где-то ужасно далеко. А теперь я здесь с тобой.

Он обнял её за талию.

— Нравится?

— Ужасно!

— Тогда пойдём. У меня для тебя есть ещё одно место.

Оливия обернулась.

— Ещё?!

— Ещё.

— Северин, ты решил меня сегодня окончательно свести с ума?

— Пожалуй, я уже опоздал.

Она шутливо ударила его по плечу, но послушно вложила ладонь в его руку.

Покинув вокзал, они свернули в соседний переулок, где среди небольших магазинов Денис отыскал лавку[11], витрина которой немедленно заставила Оливию забыть обо всём на свете.

За стеклом стояла деревянная клетка с белой совой — разумеется, игрушечной, но выполненной с такой тщательностью, что издали её легко можно было принять за настоящую. Рядом лежали старинного вида книги, перья, свитки, небольшие сундучки и коробки с волшебными палочками. На подставке красовался золотой снитч, а над дверью висела декоративная вывеска, приглашавшая поклонников Хогвартса заглянуть внутрь.

Оливия остановилась так резко, что Денис едва не врезался в неё.

---

[11] Лавка с сувенирами из книг о Гарри Поттере описана в соседнем с вокзалом переулке. Её название и адрес в романе не указаны.

— Нет…

Он опустил взгляд на её лицо.

— Лисёнок?

— Денис, это же…

Она не договорила, распахнула дверь и почти вбежала внутрь.

Маленькая лавка напоминала уголок волшебного мира, каким его представляли себе читатели книг о Гарри Поттере. Вдоль стен тянулись деревянные полки, заставленные коробками с необычными надписями; на крючках висели ученические мантии, между книгами поблёскивали сувенирные волшебные палочки, а возле кассы теснились шахматные фигурки, совы и маленькие стеклянные шары.

Оливия медленно прошла между стеллажами, не зная, за что взяться прежде.

— Господи, Денис, посмотри!

Она остановилась возле коробки с шоколадными лягушками, затем заметила золотой снитч, а спустя несколько секунд уже рассматривала мантии с гербами факультетов.

— Здесь всё как в Хогвартсе!

Денис наблюдал за ней, прислонившись к одному из шкафов.

— Ну что, Лисёнок, будешь поступать?

— Обязательно!

Она обернулась к нему.

— Только учти, Северин, если меня примут, тебе придёт-

ся остаться одному.

— Вот ещё! Я столько лет тебя искал, чтобы теперь уступить какому-то Хогвартсу?

— Тогда поступай вместе со мной.

— На какой факультет?

Оливия окинула его задумчивым взглядом.

— Не знаю… Ты у меня ужасно упрямый, любишь приключения, постоянно во что-нибудь ввязываешься…

— Начало многообещающее.

— Точно в Гриффиндор!

— А ты?

— А я ещё подумаю.

Денис рассмеялся.

— Прекрасно. Значит, меня уже распределили, а ты собираешься выбирать?

— Ну разумеется. Я же девушка.

— Железный довод.

Оливия снова принялась рассматривать полки.

Особенно её заинтересовали волшебные палочки. Они лежали в длинных узких коробках, каждая со своим рисунком, цветом и причудливой формой рукояти. Одни были гладкими, светлыми, другие — почти чёрными, с узорами, напоминавшими переплетённые ветви.

Она осторожно взяла одну из коробок, открыла крышку и с таким почтением посмотрела на содержимое, что Денис невольно улыбнулся.

— Выбираешь оружие?

— Не мешай мне, Северин. Это очень серьёзное дело.

Из-за прилавка раздался негромкий смешок.

К ним приближался пожилой продавец с длинной белой бородой и в очках, которые придавали ему удивительное сходство с добродушным волшебником из старой сказки. На нём был тёмный жилет, а из нагрудного кармана выглядывала серебряная цепочка часов.

— Первая волшебная палочка, мисс?

Оливия обернулась и совершенно серьёзно кивнула.

— Первая.

Старик посмотрел на коробку в её руках.

— Тогда, боюсь, вы начали не совсем правильно.

Она удивилась.

— Почему?

Он осторожно забрал коробку и поставил её на полку.

— Потому что не волшебник выбирает палочку, а палочка выбирает волшебника.

Оливия замерла.

Денис заметил, как изменилось её лицо, и едва удержался от смеха: она смотрела на продавца с таким восторгом, словно перед ней действительно стоял человек, которому были известны самые сокровенные тайны волшебства.

— Так что же мне делать? — спросила она.

— Довериться выбору, разумеется.

Старик неторопливо прошёл вдоль полок, задержался

возле одного из шкафов и достал узкую коробочку.

— Начнём с этой.

Он открыл крышку.

Внутри лежала светлая палочка с гладкой рукоятью и едва заметным узором вдоль стержня.

— Попробуйте.

Оливия осторожно взяла её.

Повернула в пальцах, немного взмахнула, прислушиваясь к ощущениям.

Продавец покачал головой.

— Нет. Не ваша.

— Почему? — не удержалась она.

— Слишком послушная.

Денис тихо рассмеялся.

— Вот это точно не про тебя, Лисёнок.

Оливия бросила на него возмущённый взгляд.

— Северин, не мешай волшебству!

Продавец улыбнулся и достал другую коробку.

Теперь палочка оказалась тёмной, с неровной, словно вырезанной из старого дерева рукоятью.

Оливия попробовала и её.

Старик некоторое время внимательно наблюдал за девушкой, а затем задумчиво произнёс:

— Тоже нет. С этой вы будете постоянно спорить.

— Уверяю вас, она способна на это из без палочки, — немедленно вмешался Денис.

— Денис!

Он поднял руки, изображая полную невиновность.

Пожилой продавец с явным удовольствием наблюдал за их перепалкой.

— Пожалуй, нам потребуется кое-что особенное.

Он подошёл к небольшому шкафчику за прилавком и достал третью коробку — тёмно-синюю, с тонкой серебристой надписью на крышке.

Оливия невольно подалась вперёд.

Старик открыл её.

На бархатной подкладке лежала изящная палочка тёплого коричневого цвета. Её рукоять напоминала молодую древесную ветвь, а вдоль стержня шли тонкие неровные линии, похожие на естественный рисунок древесины.

Оливия осторожно взяла палочку.

Она оказалась удивительно удобной: тонкая рукоять хорошо легла в ладонь, и девушке сразу захотелось попробовать сделать ею какой-нибудь волшебный жест.

Продавец внимательно посмотрел на неё.

— Ну вот…

Он выдержал небольшую паузу и довольно улыбнулся.

— Кажется, мы нашли вашу палочку, мисс.

Оливия подняла голову.

— Правда?

— Вне всякого сомнения.

Она повернулась к Денису.

— Ты слышал?!

— Слышал, родная.

— Она меня выбрала!

— Я уже начинаю ревновать.

Продавец добродушно рассмеялся.

Оливия снова посмотрела на палочку, осторожно провела пальцами по неровной рукояти и вдруг вспомнила знакомое заклинание.

— А можно попробовать?

— Разумеется, — серьёзно ответил старик. — Только будьте осторожны с окружающими.

Она немедленно повернулась к Денису.

Тот приподнял брови.

— Лисёнок, почему ты так на меня смотришь?

Оливия выставила палочку перед собой.

— Вингардиум Левиоса!

Денис охнул, приподнялся на носки и с таким видом ухватился за край ближайшего шкафа, будто неведомая сила действительно пыталась оторвать его от пола.

— Оливия! Прекрати немедленно! Я сейчас улечу!

Она расхохоталась.

— Получается!

— Конечно получается! Ты же меня сейчас к потолку прилепишь!

Продавец смеялся вместе с ними, придерживая очки, которые то и дело сползали у него на нос.

Оливия взмахнула палочкой ещё раз.

— Вингардиум Левиоса!

Денис сделал несколько преувеличенно осторожных шагов, словно пытался удержаться на земле, а затем схватил её за талию.

— Всё, волшебница, попалась!

Она вскрикнула от смеха и попыталась вывернуться, всё ещё держа палочку высоко над головой.

— Отпусти! Я сейчас ещё что-нибудь наколдую!

— Даже не сомневаюсь!

Он прижал её к себе и поцеловал, не обращая внимания на довольную улыбку пожилого продавца.

— Ну что, Лисёнок, теперь отпустишь меня на землю?

— Только если будешь хорошо себя вести.

— Обещаю подумать.

Оливия отстранилась, всё ещё смеясь.

Она посмотрела на палочку, потом на коробку, лежавшую на прилавке, и немного смутилась.

— Денис… Как думаешь, можно её купить?

Он сделал вид, что глубоко задумался.

— Даже не знаю.

Она взглянула на него с тревогой.

— Почему?

— Мне не нравится, что ты уже освоила заклинания. Теперь начнёшь превращать меня во что-нибудь при каждой ссоре.

— Не начну!

— Уверена?

— Ну… если будешь себя хорошо вести.

Денис расхохотался.

— Вот видите, — обратился он к продавцу, — а вы говорили, что палочка её выбрала. Теперь я вообще не уверен, что могу спокойно вернуться домой.

— Молодой человек, — с невозмутимым видом ответил старик, — в подобных обстоятельствах я бы посоветовал вам быть особенно любезным с вашей дамой.

— Прекрасно. Теперь вы ещё и на её стороне!

Оливия снова рассмеялась.

Пока она рассматривала соседнюю витрину, Денис попросил продавца завернуть палочку. Старик бережно уложил её в коробку, закрыл крышку, обернул тонкой бумагой и перевязал узкой лентой.

Когда Оливия вернулась, он с самым торжественным видом протянул ей покупку.

— Прошу, мисс. И используйте свои новые способности исключительно во благо.

Она приняла коробку обеими руками.

— Большое спасибо!

— Надеюсь, учёба в Хогвартсе принесёт вам много радости.

Оливия просияла.

— Обязательно!

Уже возле выхода она неожиданно обернулась.

— А скажите… Вы ведь настоящий волшебник?

Старик медленно поправил очки и лукаво улыбнулся.

— Дорогая мисс, настоящий волшебник никогда никому не говорят о том, что он волшебник?

Денис не выдержал и рассмеялся.

Оливия же некоторое время смотрела на продавца с восхищением, после чего совершенно серьёзно кивнула:

— Вы правы.

И, взяв Дениса за руку, вышла из магазина.

На улице она почти сразу остановилась, достала палочку из коробки и, развернувшись к Денису, вновь направила её на него.

— Лисёнок, нет!

— Почему?

— Я едва пережил первый урок магии!

Она звонко рассмеялась.

— Трус!

— Ещё какой. Особенно когда вижу, что ты собираешься колдовать.

Оливия осторожно взмахнула палочкой, но на этот раз ничего не произнесла.

— Знаешь, — сказала она, немного успокоившись, — я ведь всю жизнь любила сказки. Даже когда выросла, всё равно иногда представляла, как было бы здорово, если бы хоть что-нибудь из них оказалось настоящим.

Она посмотрела на подарок.

— А сегодня мне кажется, будто я действительно ненадолго туда попала.

Денис обнял её за плечи.

— И как там?

— Замечательно.

Оливия повернулась к нему.

— Только ты всё испортил.

— Я?!

— Конечно! Настоящий волшебник не стал бы так ужасно кривляться, когда его пытались поднять в воздух.

— Простите, мисс Вишневская. В следующий раз постараюсь воспарить изящнее.

Она расхохоталась, прижалась к нему и спрятала палочку обратно в коробку.

— А знаешь, что самое интересное?

— Что?

— Тот старик ведь действительно был похож на волшебника.

— Возможно, он им и был.

Оливия остановилась.

— Денис!

— Что?

— Ты серьёзно?

Он посмотрел на неё с таким невозмутимым выражением, что она снова рассмеялась.

— Господи, Северин! Иногда я совершенно не понимаю, кто из нас двоих старше!

— Разумеется, ты. Я ещё не дорос до таких серьёзных увлечений.

Она легонько толкнула его плечом, а обнял ее за плечи.

В метро Оливия бережно устроила коробку на коленях и несколько раз открывала крышку, чтобы снова посмотреть на подарок.

Денис, сидевший рядом, заметил это и усмехнулся.

— Денис…

— Да, родная?

Она придвинулась к нему и поцеловала в щёку.

— Спасибо тебе за этот день.

Денис обнял её.

Оливия устроилась у него на плече, продолжая держать коробку с палочкой обеими руками, и некоторое время смотрела на отражения пассажиров в тёмном стекле вагона.

Вчера ей казалось, что Лондон навсегда останется городом, где многое придётся изучать, понимать и осваивать с усилием. Сегодня же она от души смеялась в маленькой лавке, спорила с пожилым продавцом о волшебстве и совершенно забыла, что находится за тысячи километров от родного дома.

А Денис, заметив, как она снова украдкой заглядывает в коробку, наклонился к самому её уху:

— Только, пожалуйста, не вздумай сейчас произносить

«Левиоса». Давай доедем до нашей станции, а не долетим.

Оливия закрыла рот ладонью, чтобы не рассмеяться слишком громко, и уткнулась лицом ему в плечо.

Глава 6. Рыжая коалиция

Август подходил к концу, и Денис, вернувшись в пятницу с очередного экзамена, уже предвкушал спокойный вечер дома, когда, едва переступив порог квартиры, почувствовал запах, заставивший его остановиться.

Он узнал его сразу.

— Лисёнок! — позвал Денис, ещё не успев снять куртку. — Ты что, борщ варишь?

Из кухни донёсся голос Оливии:

— А ты уже дома? Я думала, ты позже приедешь!

— Так это борщ?!

— Ну борщ, борщ! Иди сюда, только не хватай ничего!

Денис появился в дверях кухни и увидел Оливию возле плиты. На её щеке осталось небольшое розоватое пятнышко, вероятно, от свёклы, а на столешнице стояла большая кастрюля, которую она как раз собиралась накрыть крышкой.

— Господи… — Он подошёл ближе и заглянул внутрь. — Лисёнок, какой же запах!

— Ты сначала попробуй, а потом хвали.

— А ты сама его сварила?

Оливия посмотрела на него с притворным возмущением.

— Нет, Северин, из Москвы привезли. Самолётом. Специально для тебя.

Он расхохотался и, притянув её к себе, поцеловал.

— Ты моя умница.

— Денис, ну подожди! — Она засмеялась, пытаясь увернуться от второго поцелуя. — Ты же только с улицы. Иди переоденься, руки помой, а я пока на стол накрою.

Он с явной неохотой отпустил её, но, уже направляясь к выходу, снова обернулся.

— Лисёнок!

— Ну что ещё?

— А сметана есть?

Оливия всплеснула руками.

— Господи, да всё есть! Иди уже!

Вернувшись через несколько минут в домашних брюках и футболке, Денис обнаружил на столе две глубокие тарелки с горячим борщом. Возле них лежал нарезанный хлеб, стояла сметана и небольшая мисочка с зеленью. Оливия поправляла салфетку, когда он обнял её сзади и с удовольствием вдохнул аромат ужина.

— Садись, голодный мой, — велела она. — Я уже сама есть хочу.

Денис послушно устроился за столом, положил в тарелку немного сметаны и попробовал первую ложку.

Оливия наблюдала за ним, ожидая обычного одобрения, но он почему-то замолчал. Даже после второй ложки ничего не сказал, лишь отломил кусочек хлеба и снова принялся есть.

— Денис, ну как?

Он посмотрел на неё.

— Лисёнок, это же настоящий борщ.

— А я что тебе говорила?

— Нет, ты не понимаешь…

Он снова попробовал, и Оливия заметила, как на его лице появилась какая-то необыкновенная, почти мальчишеская радость.

— Господи, как же давно я такого не ел!

— А в Москве?

— Ел, конечно. Но не дома.

Она удивилась.

— А разве тебе никто не готовил?

Денис пожал плечами.

— В основном в ресторанах ел. Иногда заказывал что-нибудь. Ты же знаешь, я особенно готовить никогда не любил.

Он снова взялся за ложку, однако спустя некоторое время вдруг произнёс, словно продолжая собственные мысли:

— Когда мы с Димкой маленькие были, мама борщ варила. Я даже забыл, какой у него запах.

Оливия подняла на него глаза.

— Правда?

— Помню, она ещё чеснок добавляла. Димка терпеть его не мог, а я специально просил побольше, чтобы он потом со мной за столом не сидел.

Денис негромко рассмеялся.

— Вот ведь глупость какая запомнилась.

Он ещё некоторое время ел, а затем неожиданно посмотрел на Оливию с такой благодарностью, что она перестала улыбаться.

— Знаешь, я открыл дверь и на секунду подумал, что снова маленький. Мама на кухне, сейчас Димка прибежит… Даже странно.

Он покачал головой, словно удивившись самому себе, и взял кусочек хлеба.

Оливия долго смотрела на него.

Ей захотелось спросить о тех давних вечерах, о матери, о брате, но Денис уже вернулся к ужину, и она не стала нарушать возникшее между ними молчание.

Вместо этого поднялась, подошла к нему и осторожно обняла за плечи.

— Ну вот, а ты ещё не хотел, чтобы я сегодня готовила, — сказала она, поцеловав его в волосы.

Он запрокинул голову, чтобы посмотреть на неё.

— Я не знал, что ты борщ задумала.

— А если бы знал?

— Примчался бы на два часа раньше.

Оливия рассмеялась.

— Ну конечно! И экзамен бы бросил?

— Смотря какой экзамен.

— Северин!

Он поймал её руку и поцеловал ладонь.

— Спасибо, родная.

Оливия хотела привычно отмахнуться, но, встретив его взгляд, лишь ласково провела пальцами по тёмным волосам.

Для неё домашний ужин никогда не был событием. В родительском доме даже в самые трудные годы мать непременно старалась накормить детей чем-нибудь горячим. Оливия помнила, как Вера Самуиловна возвращалась с работы усталой, но всё равно шла на кухню, как отец приносил домой продукты, добытые бог знает какими усилиями, как иногда приходилось растягивать деньги до следующей зарплаты, которой могли не платить месяцами.

И всё-таки при всей той бедности у них было то, без чего Денису столько лет приходилось обходиться.

Она посмотрела на его тарелку, почти опустевшую, на хлеб, который он держал в руке, и почему-то подумала, что никогда прежде не видела его настолько довольным самым обыкновенным ужином.

— Ещё налить? — спросила она.

— А можно?

— Денис, там целая кастрюля!

Он улыбнулся.

— Тогда давай, Лисёнок. Ещё немножко.

Оливия забрала тарелку, и он проводил её взглядом. Ему нравилось, как свободно она чувствует себя здесь, как разговаривает с ним через плечо, доставая кастрюлю, как между делом спрашивает, не положить ли ещё сметаны. За полгода

совместной жизни они успели привыкнуть друг к другу, но в Лондоне всё это ощущалось по-особенному. Он слишком хорошо помнил эту квартиру пустой, а теперь никак не мог нарадоваться тому, что Оливия здесь хозяйничает, смеётся, распоряжается его ужином и даже сердится, если он забывает вымыть руки.

Когда она вернулась, Денис задержал её за руку.

— Лисёнок, иди ко мне.

— Зачем?

— Просто иди.

Она подошла, и он усадил её к себе на колени.

— Денис, ну ты что…

Он обнял её и прижался щекой к её плечу. Оливия почувствовала, как постепенно исчезает напряжение, с которым он вернулся после экзамена, и, обняв его за шею, поцеловала в висок.

— Всё хорошо, любимый?

— Очень хорошо, родная.

Она улыбнулась и некоторое время сидела так, пока не вспомнила об оставленной на столе тарелке.

— Северин, у тебя опять борщ стынет.

— Ничего. Подогреем.

— Вот ведь! Я старалась, а он не ест!

Денис засмеялся и наконец отпустил её.

Ужин продолжался уже без всяких расспросов. Они разговаривали об экзамене, о предстоящих выходных, о ка-

кой-то смешной истории с занятий Оливии, но Денис то и дело возвращался к борщу, с удовольствием доедая вторую порцию.

Когда тарелки опустели, он вызвался помочь убрать со стола, а Оливия принялась спорить, что после такого количества съеденного ему вообще лучше не двигаться.

— Между прочим, — возразил Денис, — у меня на сегодняшний вечер ещё есть планы.

Она обернулась.

— Какие?

— Хочу кое-куда тебя сводить.

— Опять?

— А что такое?

— Ничего, — рассмеялась она. — Просто с тобой невозможно предугадать, где окажешься через полчаса.

— Сегодня далеко не поедем. Познакомлю тебя с одной английской традицией.

— С какой?

— Пятничный вечер в пабе.

Оливия с интересом посмотрела на него.

— В настоящем английском пабе?

— В самом настоящем.

— А ты там часто бывал?

— В своё время достаточно, чтобы изучить эту традицию в совершенстве.

— Вот нисколько не сомневалась!

Денис усмехнулся.

— Пойдём? Там хорошо. Люди собираются после работы, встречаются с друзьями, болтают, смеются. Никаких церемоний.

Последние слова Оливии понравились особенно.

— И можно просто в джинсах?

— Конечно. Лисёнок, это же паб.

— Тогда я согласна!

Она наконец убрала полотенце, которым вытирала тарелки, и направилась в спальню, но в дверях задержалась.

— Денис, а ты ничего не говоришь о том, кто там будет.

Он посмотрел на неё с совершенно невинным видом.

— Люди, родная.

— Какие люди?

— Англичане. Шотландцы иногда попадаются.

— Северин!

Он рассмеялся.

— Ну что ты от меня хочешь?

— Нормального ответа!

— А я тебе нормально и ответил. Пойдём, сама всё увидишь.

Оливия покачала головой и ушла переодеваться.

Денис ещё некоторое время стоял возле кухонного острова, прислушиваясь к её голосу из спальни. Потом взглянул на телефон и, не удержавшись от улыбки, написал короткое сообщение.

Ответ появился почти сразу:

«Guid!»[12]

Он убрал телефон.

Ну что ж, Маккензи. Посмотрим, как ты сегодня встретишь моего Лисёнка.

Оливия сразу почувствовала разницу, едва они оказались в пабе. Здесь никто не говорил вполголоса и не следил за тем, насколько изящно держит бокал сосед. За столами смеялись, спорили, перекрикивались, у стойки кто-то горячо обсуждал футбольный матч, а бармен, принимая очередной заказ, успевал обмениваться шутками с посетителями.

После недавнего вечера в закрытом клубе ей было особенно приятно оказаться среди такого непринуждённого веселья.

— Денис, а здесь действительно хорошо! — сказала она, с интересом оглядывая зал.

— Я же говорил.

Он взял её за руку и повёл в глубину помещения, где среди компании за большим столом уже поднимался человек столь внушительных размеров, что Оливия невольно замедлила шаг.

— SEVE'RIN![13]

---

[12] «Отлично!» (шотл. Scots). В репликах Роберта английские фразы сочетаются с шотландскими словами и авторской передачей произношения.

[13] «Северин!» — фамилия, переданная латиницей с обозначением произношения.

Огромный рыжеволосый мужчина шагнул навстречу Денису, широко улыбаясь.

— Guid evenin', Seve'rin![14]

— Роб! Чёрт тебя побери!

Денис расхохотался, и в следующую секунду оба мужчины заключили друг друга в такие могучие объятия, что Оливия с некоторым опасением подумала об их рёбрах.

— Missed ye, ye stubborn eejit![15]

Она смотрела на этого почти двухметрового веснушчатого великана, пытаясь разобрать хоть слово из его речи, и всё больше изумлялась.

Наконец осторожно потянула Дениса за рукав.

— Денис…

— Что, родная?

Она наклонилась к его уху.

— А он вообще по-английски разговаривает?

Денис не удержался и расхохотался.

— Почти, Лисёнок. Почти.

Роберт, прекрасно расслышавший её вопрос, посмотрел на неё с самым невинным выражением лица.

— Och! She cannae understand me![16]

Оливия окончательно растерялась.

А двое старых друзей, обменявшись коротким взглядом,

---

[14] «Добрый вечер, Северин!»

[15] «Соскучился по тебе, упрямый ты олух!»

[16] «Ох! Она меня не понимает!»

едва удержались от нового приступа смеха.

Их маленькая игра только начиналась.

— Северин, не смейся! — Оливия толкнула его локтем. — Я, между прочим, английский учу. А ты привёл меня к человеку, который разговаривает на каком-то совершенно другом языке.

— Это шотландский, родная. Почти английский, только с характером.

— Очень большим характером, судя по всему!

Денис снова рассмеялся и, обняв её за плечи, повернулся к другу:

— Роб, знакомься. Это Оливия. А перед тобой, Лисёнок, Роберт Маккензи. Мой лучший друг и, к сожалению, человек, которого не удалось перевоспитать за многие годы знакомства.

— Och, liar![17] — немедленно возмутился шотландец.

— Вот видишь? Уже спорит.

Оливия улыбнулась и протянула руку, которую Роберт осторожно заключил в свою огромную ладонь.

— Очень приятно познакомиться. Денис столько о вас рассказывал!

— Aye… he did[18].

— Что он сказал? — тут же поинтересовалась она.

— Что я тоже много о тебе рассказывал.

---

[17] «Ах ты врун!»

[18] «Да… рассказывал».

— А хорошее?

Денис выразительно посмотрел на друга.

— Роб, будь осторожен. От твоего ответа сейчас зависит наша многолетняя дружба.

Роберт широко улыбнулся, приложил руку к груди и произнёс что-то с такой торжественной убедительностью, словно выступал перед шотландским парламентом. Оливия добросовестно выслушала его, тщетно пытаясь ухватить хотя бы несколько знакомых слов.

— Денис, переведи!

— Он говорит, что я бесконечно ему надоел разговорами о тебе.

Роберт утвердительно кивнул.

— Aye! Same as always![19]

— Так я ему надоела ещё до знакомства? — Оливия притворно нахмурилась.

— Боюсь, да.

— Прекрасно! А я, между прочим, собиралась произвести хорошее впечатление.

Шотландец вдруг расхохотался и с таким восхищением посмотрел на неё, что Денис не выдержал:

— Роб, ты хотя бы не выдавай себя так быстро.

Роберт изобразил полное непонимание и, повернувшись к Оливии, приглашающе указал на свободные места.

---

[19] «Да! Всё как всегда!»

— Seve'rin! Sit doon! Ye're blockin' the whole pub![20]

— Ну вот это я почти поняла, — обрадовалась она. — Он предлагает нам сесть?

— Представь себе.

— Видишь, Северин, уже прогресс!

Она устроилась рядом с Денисом и теперь, получив возможность рассмотреть нового знакомого, убедилась, что первое впечатление её не обмануло. Роберт был не просто высоким — он казался созданным для какого-нибудь сурового северного края, где мужчине полагается с детства уметь рубить деревья, управляться с лошадьми и переносить тяжёлые зимы без единой жалобы. Крупные руки, широкие плечи, копна рыжих волос и россыпь веснушек, придававших его лицу неожиданно добродушное выражение, совершенно не вязались с её представлением об английских джентльменах.

Она некоторое время разглядывала его, а потом, не выдержав, наклонилась к Денису:

— Слушай, а он случайно не родственник Дункана Маклауда?

Денис обернулся.

— Кого?

— Дункана Маклауда! Ну, из «Горца». Ты только посмотри!

Северин расхохотался.

---

[20] «Северин, садись! Ты весь паб загородил!»

— Лисёнок, его фамилия Маккензи.

— Ну и что? Оба шотландцы. Может, у них там всё семейное?

— У них там несколько веков клановой истории, родная. Роб тебе сейчас с удовольствием прочитает лекцию, если попросишь.

— Не надо лекцию. Лучше спроси, он бессмертный?

Роберт, который до этой минуты с величайшим интересом следил за разговором, едва заметно опустил голову, скрывая улыбку. Денис поймал его взгляд и понял, что приятель уже услышал достаточно, чтобы развлекаться весь вечер.

— Роб, Оливия интересуется, не доводится ли тебе родственником Дункан Маклауд.

Шотландец расправил плечи и принял столь важный вид, что Оливия невольно выпрямилась.

— Clan MacKenzie, lass![21]

— Вот! — воскликнула она. — Я же говорила, что он из клана!

— Из клана, — подтвердил Денис. — Но, к сожалению, бессмертие ему пока не предоставили.

— Очень жаль. А меч у него есть?

— Дома, наверное. Спроси сама.

Оливия бросила на него возмущённый взгляд.

— Как я спрошу, если я его не понимаю?

---

[21] «Клан Маккензи, милая!» Lass — шотландское обращение к девушке; здесь и далее передаётся по контексту.

— Вот и прекрасный повод попрактиковаться в английском.

— Северин, я тебя сейчас ударю!

Роберт немедленно поднял кружку.

— Ауе![22]

Оливия расхохоталась.

— Нет, ты посмотри! Он уже на моей стороне!

— Ты даже не представляешь, Лисёнок, насколько это опасно.

— Почему?

— Потому что вы оба рыжие.

Она перевела взгляд на огненно-рыжую голову Роберта, затем с совершенно серьёзным видом убрала за ухо прядь собственных волос.

— А это, между прочим, обязывает.

— К чему?

— К взаимной поддержке. Скажи ему, что мы должны держаться вместе.

Денис посмотрел на друга:

— Поздравляю, Роб. Ты принят в рыжую коалицию.

Роберт расплылся в улыбке и протянул Оливии руку через стол. Она охотно пожала её, после чего оба с торжествующим видом посмотрели на Северина.

— Ну замечательно! — Он развёл руками. — Я привёл девушку знакомиться с лучшим другом, а вы уже объедини-

[22] «Да!»

лись против меня.

— Не завидуй, — посоветовала Оливия. — Рыжим везде дорога.

— А брюнетам?

— А брюнетам остаётся нас любить.

Денис хотел было возразить, но, встретившись с её лукавым взглядом, рассмеялся и привлёк к себе за плечи.

— Ну это я как-нибудь переживу.

Роберт наблюдал за ними с таким откровенным удовольствием, что Оливия наконец заметила:

— Денис, по-моему, ему очень весело.

— Ещё бы. Ты только что обеспечила его шутками на ближайший месяц.

С напитками возникла небольшая заминка.

Узнав, что Оливия никогда прежде не пробовала шотландский эль, Роберт пришёл в такое возбуждение, словно ему предоставили возможность лично представить иностранной гостье величайшее национальное сокровище.

— Beer?[23]

— Можно, — согласилась Оливия.

— Nae. Scottish ale[24].

Последние слова прозвучали с особенной гордостью.

— А чем он отличается от обычного пива? — спросила она.

---

[23] «Пиво?» (англ.).

[24] «Нет. Шотландский эль». Эль — разновидность пива.

— Сейчас узнаешь, — ответил Денис.

— А ты пробовал?

— Разумеется.

— И тебе нравится?

— Лисёнок, это вопрос очень личный.

Роберт так громко рассмеялся, что Оливия с подозрением посмотрела на обоих.

— Почему мне кажется, что вы опять надо мной издеваетесь?

— Мы? — Денис приложил ладонь к груди. — Никогда.

— Вот именно после таких слов я и начинаю беспокоиться.

Вскоре перед ней поставили тяжёлую кружку с тёмным напитком, над которым возвышалась плотная шапка пены. Роберт выжидающе подался вперёд.

— Go on, lass[25].

Оливия осторожно сделала глоток.

Сначала ей показалось, что ничего особенного не произошло. Затем непривычная горечь разлилась по языку, а следом обнаружился странный привкус, который никак не вязался с тем удовольствием, какого ожидали от неё оба мужчины.

Она медленно опустила кружку.

Денис прикусил губу.

— Ну, Лисёнок?

---

[25] «Ну же, попробуй, милая».

Оливия ещё раз посмотрела на эль, пытаясь подобрать подходящее определение.

— Знаешь… — начала она задумчиво. — По-моему, я только что выпила дёготь.

Роберт взревел от хохота.

Не рассмеялся, не усмехнулся — именно взревел, так самозабвенно и громогласно, что разговоры за несколькими соседними столами на мгновение стихли. Он попытался что-то сказать, но снова расхохотался, хватаясь за край стола.

— Seve'rin! She's brilliant![26]

Денис смеялся не меньше.

— Господи, Оливия! Дёготь?!

— А что? — возмутилась она. — На вкус очень похоже!

— Ты когда-нибудь пробовала дёготь?

— Нет, конечно! Но если бы попробовала, уверена, ощущения были бы именно такие.

Это окончательно добило Роберта. Он откинулся назад, вытирая выступившие от смеха слёзы.

Оливия обиженно поджала губы, но выдержала всего несколько секунд и тоже рассмеялась.

— Ну и что я такого сказала? Вы сами просили попробовать!

— Всё правильно, родная, — с трудом выговорил Денис. — Именно такую оценку Роб и хотел услышать.

---

[26] «Северин, она потрясающая!»

— To the lass![27] — провозгласил шотландец, поднимая кружку.

— Что теперь?

— Предлагает выпить за тебя.

— За дёготь?

— За правду.

Роберт с важным видом кивнул и, дождавшись, пока Денис переведёт, произнёс:

— If ye can tell the truth aboot Scottish ale... ye're family[28].

Оливия внимательно выслушала перевод и улыбнулась уже без прежней насмешки.

— Правда?

Роберт протянул ей руку.

— Welcome, lass[29].

Она вложила свою ладонь в его огромную пятерню.

— Тогда я очень рада, Роберт.

Он улыбнулся, а потом, словно решив испытать её гостеприимство ещё раз, подвинул собственную кружку.

— Try mine. Better[30].

Денис немедленно вмешался:

— Нет, Роб. Одного раза достаточно.

— А что он сказал?

---

[27] «За девушку!» — тост.

[28] «Если можешь сказать правду о шотландском эле… ты из нашей семьи».

[29] «Добро пожаловать, милая».

[30] «Попробуй мой. Он лучше».

— Предлагает попробовать его эль. Уверяет, что вкуснее.

Оливия посмотрела на кружку, затем на Роберта.

— Нет уж, спасибо. Я, пожалуй, останусь при своём мнении.

— Smart lass![31]

— Вот теперь я даже поняла, — довольно сказала она. — Он назвал меня умной.

— Наконец-то хоть один человек здесь произнёс что-то бесспорное, — заметил Денис.

Роберт одобрительно хлопнул его по плечу, а Оливия, смущённо улыбнувшись, потянулась к чашке чая, которую ей принесли вместо злосчастного эля.

Через некоторое время Оливия заметила удивительную перемену, происходившую с Денисом в обществе старого друга.

Она уже видела его среди лондонских знакомых, слышала, как непринуждённо он разговаривает с людьми, которых знал с детства, как легко поддерживает беседы, полные незнакомых ей имён и давних воспоминаний. Но здесь было иначе. Рядом с Робертом он без всякого стеснения хохотал над собственными промахами, перебивал, спорил, вспоминал нелепые истории, которые вряд ли захотел бы рассказать кому-нибудь постороннему.

Ей нравилось наблюдать за ними. Особенно за тем, как огромный Маккензи, стоило Денису начать какую-нибудь

[31] «Умница!»

историю, немедленно вмешивался, возмущённо опровергал подробности и всякий раз представлял дело таким образом, что виновником всех давних неприятностей неизменно оказывался Северин.

— А как вы вообще познакомились? — спросила Оливия, когда очередной спор наконец утих.

— Я тебе разве не рассказывал?

— Ты говорил, что дружите с детства. Но как именно?

Денис задумался.

— По-моему, мы с ним знакомы столько лет, что уже никто не помнит, с чего всё началось.

Роберт усмехнулся, уловив знакомое слово детство, и произнёс что-то, отчего Денис немедленно расхохотался.

— Нет, Роб, только не эту историю!

— Какую? — заинтересовалась Оливия.

— Совершенно неинтересную.

— Значит, очень интересную.

Роберт с удовольствием принялся рассказывать, сопровождая свою шотландскую речь столь выразительными жестами, что Оливия вскоре сумела понять: дело происходило где-то в горах, героев было двое, оба мальчишки, и закончилось всё весьма плачевно.

Денис слушал с таким видом, словно на его глазах совершалась чудовищная историческая несправедливость.

— Роб, прекрати! Ты сам предложил идти той дорогой!

— Och, liar!

— Не смей на меня всё сваливать!

Оливия уже смеялась.

— Северин, переведи наконец!

Оказалось, однажды во время летних каникул в Шотландии приятели решили сократить дорогу до дома, свернув с привычной тропы. Роберт уверял, что прекрасно знает местность, Денис не менее уверенно утверждал, что направление выбрано неверно. В результате они несколько часов блуждали среди холмов и добрались до какого-то пастбища, где были вынуждены перелезать через ограду, спасаясь от крайне недружелюбного быка.

— От быка?! — переспросила Оливия.

— Вот именно, — подтвердил Денис. — Причём Роберт, вместо того чтобы помогать, первым полез через забор.

— He's always lyin'![32] — возмутился Маккензи.

— А ты разве не полез?

Роберт с достоинством отпил из кружки.

— Ауе.

— Ну вот!

— А ты что делал? — спросила Оливия.

Денис помедлил.

— Я тоже полез.

Она расхохоталась.

— А бык?

— Бык, к счастью, остался со своей стороны.

---

[32] «Он вечно врёт!»

— И после этого вы ещё дружите?

— Приходится, — вздохнул Денис. — Мы слишком много друг о друге знаем.

Роберт подмигнул ей и поднял кружку.

В этом споре, который они, вероятно, вели уже не первый десяток лет, было столько настоящей дружбы, что Оливия поняла: перед ней человек, которому Денис доверяет безоговорочно.

Она давно хотела познакомиться с Робертом, особенно после того, как узнала, какую роль он сыграл в жизни Дениса во время их разлуки. Но теперь, увидев их вместе, почувствовала благодарность к нему ещё сильнее.

Когда Денис ненадолго отошёл к стойке, Оливия воспользовалась случаем.

— Роберт…

Тот повернулся к ней.

Она немного помедлила, подбирая английские слова. Впервые за вечер ей захотелось, чтобы он непременно понял её правильно.

— Я давно хотела сказать тебе спасибо.

Роберт перестал улыбаться.

— За что ты сделал для Дениса, когда ему было тяжело, — продолжила она, осторожно произнося слова по-английски. — Я знаю, что ты приехал к нему. Что не оставил его одного.

Он внимательно смотрел на неё, не перебивая.

Оливия смутилась и улыбнулась.

— Наверное, я не очень хорошо объясняю.

— Nae, lass, — мягко ответил Роберт. — I understand[33].

Он накрыл её руку своей широкой ладонью.

— He's ma brother[34].

И, словно этого объяснения было вполне достаточно, слегка пожал её пальцы.

Оливия поняла.

— Знаю, — тихо сказала она.

Когда Денис вернулся, Роберт уже снова выглядел прежним беззаботным великаном, а Оливия сидела с таким довольным видом, что Северин заподозрил неладное.

— Что вы тут без меня обсуждали?

— Тебя, — охотно сообщила Оливия.

— Вот этого я и боялся.

Роберт немедленно вмешался:

— Och, Seve'rin! I just told the lass that ye snore like an old bear![35]

— Роб!

Оливия повернулась к Денису:

— Что он сказал?

— Этот негодяй утверждает, будто я храплю, как старый медведь.

---

[33] «Нет, милая. Я понимаю». Перевод обеих английских частей реплики.

[34] «Он мой брат».

[35] «Да брось, Северин! Я только сказал девушке, что ты храпишь, как старый медведь!»

Она с серьёзным видом обдумала услышанное.

— Ну… некоторое сходство действительно есть.

— Оливия!

Оба рыжих расхохотались.

— Всё, — объявил Денис. — Больше никогда не оставлю вас наедине.

— Поздно, Северин, — ответила она. — Мы уже друзья.

Роберт с величайшим удовольствием подтвердил это громогласным:

— Аye!

Позже, когда Оливия увлеклась рассказом о своём университете, Роберт неожиданно спросил Дениса о Виктории.

Имя прозвучало среди весёлого разговора настолько некстати, что Северин невольно поморщился.

— А что с ней?

Роберт напомнил о благотворительном вечере семьи Блейк, который ежегодно устраивали в конце сентября. Он сам получил приглашение ещё несколько дней назад и нисколько не сомневался, что Виктория намерена видеть там и Дениса.

— Она уже написала, — ответил тот. — Сегодня.

— Aye. Thought so[36].

Оливия прислушалась.

— О каком вечере вы говорите?

— У Виктории будет благотворительный приём, — объ-

[36] «Да. Так я и думал».

яснил Денис. — В конце сентября.

— А, понятно.

Она вспомнила недавнее знакомство с Викторией и не стала расспрашивать дальше.

— Там, наверное, снова нужно вечернее платье?

— Да, родная. Смокинги, платья, вся эта история.

— Ясно.

В её голосе не было ни обиды, ни жалобы, однако Роберт, наблюдавший за ней гораздо внимательнее, чем Денис предполагал, заметил, как быстро она утратила интерес к разговору.

Оливия допила чай и вскоре ненадолго оставила мужчин одних.

Роберт проводил её взглядом.

— Северин…

Денис повернулся к нему.

— Что?

— Ты собираешься взять её на вечер Блейков?

— Если захочет, почему нет?

Роберт покачал головой.

— Эх, Денис…

— Да что такое?

— Ты знаешь этих людей. А она — нет.

Денис нахмурился.

— Роб, Оливия прекрасно умеет себя вести.

— Я не сомневаюсь, болван!

Шотландец подался ближе, чтобы их разговор не достигал соседнего стола.

— Я совсем не об этом.

Денис смотрел на него с раздражением, всё ещё не понимая, к чему тот ведёт.

Роберт помолчал, выбирая слова.

— Ты вырос среди этих людей, Северин. Ты уже половины их выходок не замечаешь.

Денис хотел возразить, но приятель не позволил.

— Виктория приглашает её вовсе не из добрых побуждений. Ты ведь и сам это знаешь.

При упоминании Виктории Северин отвёл взгляд.

Он знал её слишком давно, чтобы питать иллюзии относительно её характера. И всё же предполагать, что девушка станет намеренно унижать Оливию на вечере, устроенном её собственной семьёй, казалось ему чрезмерным.

— Виктория знает, что я люблю Оливию.

— Конечно, знает.

Роберт усмехнулся без особенного веселья.

— И она, надо полагать, безумно этому рада?

Денис промолчал.

— Роб, я разберусь.

— Вот и разберись.

Маккензи взял свою кружку, но пить не стал.

— Хорошая она девушка, Денис. Не позволяй им испортить ей вечер.

Последние слова прозвучали без нажима, и именно поэтому Денис воспринял их серьёзнее всех прежних предупреждений.

Он вспомнил, как Оливия собиралась на встречу с его друзьями в клубе, как долго выбирала платье и как по возвращении домой почти не говорила о своих впечатлениях, хотя обычно с удовольствием делилась с ним каждой мелочью. Тогда он решил, что она просто устала.

Теперь эта уверенность впервые показалась ему сомнительной.

Денис взглянул в сторону, куда ушла Оливия.

— Я не позволю её обидеть, Роб.

Роберт кивнул.

— Вот и хорошо.

На этом разговор и закончился.

Оливия вернулась к столу и сразу заметила, что за время её отсутствия настроение друзей переменилось. Денис о чём-то задумался, а Роберт, прежде не способный усидеть спокойно и нескольких минут, теперь молча вертел в руках кружку. Впрочем, стоило ей подойти, как шотландец широко улыбнулся и подвинул для неё стул.

— Что-то вы подозрительно притихли, — заметила она. — Надеюсь, не успели поссориться?

— С Робертом? — Денис усмехнулся. — Для этого нам пришлось бы сначала прийти к согласию хоть в одном вопросе.

— Вот именно, — подтвердил Маккензи.

Оливия посмотрела на него. Затем на Дениса.

— Подожди-ка…

Роберт с самым невинным видом потянулся к своей кружке.

— Что? — поинтересовался Северин.

— Мне показалось, или твой друг только что заговорил совершенно нормально?

— Нормально? — переспросил Денис. — Ты Роберта давно слушала?

— Северин, не заговаривай мне зубы!

Она снова повернулась к шотландцу, который уже успел изобразить глубокую заинтересованность происходящим за соседним столом.

— Роберт, — произнесла Оливия по-английски, — вы ведь можете говорить немного медленнее?

— Och, lass! — Он сокрушённо развёл руками. — I'll try![37]

И произнёс ещё что-то на своём непостижимом наречии.

Оливия вздохнула, но в глазах её уже появилось подозрение.

Весь вечер её не покидало странное чувство, будто за этим шумным весельем скрывается какая-то маленькая тайна. Роберт чересчур быстро реагировал на русские шутки, иногда начинал хохотать прежде, чем Денис успевал открыть рот для перевода, и, главное, совершенно безошибочно пони-

[37] «Ох, милая! Я постараюсь!» Перевод обеих английских частей реплики.

мал, когда над ним подшучивают. Поначалу она списывала это на его необыкновенную общительность, но теперь решила проверить свою догадку.

— Денис, — сказала она самым обыкновенным тоном, — а давай пригласим Роберта к нам в гости.

— Давай. Он только рад будет.

— Я ему борщ сварю. И пирожков напеку.

Роберт одобрительно закивал.

Оливия едва заметно прищурилась.

— Только скажи ему, чтобы в следующий раз не приносил с собой этот ужасный дёготь. А то придётся вылить его прямо в Темзу.

— Och, lass! — возмущённо воскликнул Маккензи.

И тут же осёкся.

Денис опустил глаза, но было поздно.

— Ага! — Оливия выпрямилась. — Попался!

Роберт посмотрел на неё с выражением человека, которого совершенно незаслуженно обвиняют в тяжком преступлении.

— Whit?[38]

— Да не «уот»! Я ведь по-русски сказала! Денис ещё ничего не переводил!

— Лисёнок… — попытался вмешаться Северин.

— Подожди, Денис. — Она подняла руку, не сводя глаз с Роберта. — Я сейчас кое-что выясню.

---

[38] «Что?»

Маккензи отчаянно старался сохранить серьёзность, однако его выдавали весёлые морщинки возле глаз.

— Роберт, — медленно произнесла Оливия, — вы понимаете русский язык?

Он неопределённо повёл плечами.

— A wee bit, lass…[39]

— А ну-ка, Северин, переведи!

Денис уже не мог удержаться от смеха.

— Говорит, самую малость.

— Самую малость?! — Оливия возмущённо обернулась к нему. — Значит, ты всё знал!

— Родная, я…

— Знал!

— Ну, в общем…

— Денис!

И тут Роберт, окончательно признав поражение, произнёс на вполне понятном русском:

— Оливия, умоляю, не убивайте его. Это была моя идея.

Она замерла.

На несколько секунд за столом воцарилась тишина.

— Что?!

Маккензи улыбнулся с обезоруживающим добродушием.

— Я говорю, не ругайте Северина. Он до последнего пытался сохранить мне репутацию порядочного человека.

Оливия переводила взгляд с одного на другого.

---

[39] «Самую малость, милая…»

— Господи… Да вы… Вы оба!..

Она наконец рассмеялась, но тут же погрозила Денису пальцем.

— Значит, всё это время я тут мучилась, пыталась разобрать его шотландскую тарабарщину, а он прекрасно понимал каждое моё слово?!

— Не каждое, — осторожно возразил Роберт.

— Правда?

— Когда вы говорили одновременно, приходилось выбирать, кого слушать.

Денис захохотал.

— Роб, ты себя окончательно погубишь!

— Меня?! — Оливия повернулась к Северину. — А ты-то хорош! Сидел, переводил, ещё и неизвестно что от себя добавлял!

— Лисёнок, я переводил почти дословно.

— Почти?!

Роберт не выдержал и громогласно расхохотался.

— Вот теперь я понимаю, за что тебя любит эта девушка, Северин. Ты умеешь убедительно врать с совершенно честным лицом!

— А ты, значит, образец добродетели?

— Я хотя бы признался.

Оливия покачала головой. Она всё ещё пыталась справиться со смехом, но любопытство уже брало верх.

— Роберт, а где вы так хорошо выучили русский?

Впервые за вечер шотландец ответил не сразу.

— Довелось пожить среди русских, — сказал он наконец. — И друзья хорошие были.

Он произнёс это легко, однако Денис уловил в его голосе едва заметную перемену и поспешил перевести разговор.

— Между прочим, Лисёнок, он ещё и русские ругательства знает. Причём некоторые такие, которым я его точно не учил.

— Северин! — возмутился Роберт уже по-русски.

Оливия расхохоталась.

— Боже мой, какой у него голос! А я ведь целый вечер думала, что он просто не умеет нормально разговаривать!

— Вот это, дорогая моя, уже оскорбление целого шотландского народа, — заметил Маккензи с величайшим достоинством.

— Ничего подобного! Я просто хочу знать, зачем вы оба меня разыгрывали.

— Хотел посмотреть, как быстро вы нас раскусите, — признался Роберт.

— И как? Долго я продержалась?

— Честно говоря, дольше, чем ожидал.

— Роб! — предостерегающе произнёс Денис.

— Что? Я же говорю правду!

Оливия посмотрела на обоих. Потом медленно улыбнулась.

— Ну что ж, господа. Имейте в виду: теперь я знаю, с кем

связалась.

— Лисёнок, — Денис попытался взять её за руку, — ты ведь не обиделась?

Она позволила ему переплести свои пальцы с её, но ответила не сразу.

— Я ещё подумаю.

— Оливия, — вмешался Роберт, — если хотите, я готов искупить вину.

— Вот как?

— Любым способом. В разумных пределах, разумеется.

Она задумалась всего на мгновение.

— Прекрасно. Тогда в следующий раз, когда мы встретимся, вы расскажете мне какую-нибудь совершенно позорную историю из детства Дениса.

— Лисёнок!

— И непременно по-русски, — добавила она.

Роберт расплылся в широкой улыбке.

— Договорились.

— Роб, — с укоризной произнёс Денис, — я тебя, между прочим, с этой девушкой только сегодня познакомил.

— И уже успел пожалеть?

— Начинаю.

Оливия торжествующе посмотрела на Северина.

— Вот теперь, дорогой мой, рыжая коалиция действительно существует!

Роберт протянул ей огромную ладонь, и они скрепили со-

юз рукопожатием.

— Бедный Денис, — с притворным сочувствием заметил шотландец. — Даже не представляет, сколько я могу о нём рассказать.

— Не смей его пугать, Роберт, — возразила Оливия, лукаво поглядывая на любимого. — Я ведь его люблю.

— Вот именно поэтому и расскажу.

Денис обнял Оливию за плечи и с видом человека, заранее смирившегося с неизбежным, произнёс:

— Господи, и зачем я вас познакомил?

Когда они наконец собрались домой, Роберт проводил их до выхода. Оливия, прощаясь, пообещала непременно пригласить его на настоящий русский ужин, но предупредила, что шотландский эль на порог не пустит.

— Жестокая женщина! — объявил Маккензи. — Северин, куда ты смотрел?

— Поздно, Роб. Я уже влюбился.

Оливия довольно рассмеялась и поцеловала Дениса в щёку.

— Вот видишь, Роберт, он хотя бы иногда говорит умные вещи.

— Иногда, — согласился шотландец. — Очень редко, но случается.

На прощание он заключил Оливию в осторожные объятия и, чуть наклонившись к её уху, произнёс прежним раскатистым голосом:

— Welcome tae the family, lass[40].

Она улыбнулась.

— А вот это я теперь прекрасно понимаю!

По дороге домой Оливия никак не могла успокоиться.

— Денис, я ведь с самого начала заметила, что что-то не так! Особенно когда он смеялся над моими шутками раньше, чем ты успевал их перевести.

— Лисёнок, ты раскрыла страшную тайну.

— И нечего смеяться! Я теперь обязательно научусь понимать его шотландский. А то вдруг он ещё что-нибудь придумает.

Денис усмехнулся.

— Роберт? Непременно придумает. В этом можешь не сомневаться.

Она обняла его за руку и некоторое время шла молча.

— Знаешь, — сказала наконец, — я очень рада, что мы сегодня с ним познакомились.

Денис посмотрел на неё.

— Правда?

— Конечно. Ты с ним какой-то другой.

— Это какой же?

— Не знаю… — Она немного подумала. — Словно опять становишься тем мальчишкой, которым был когда-то. Только очень большим и ужасно самоуверенным.

Он рассмеялся.

---

[40] «Добро пожаловать в семью, милая».

— Спасибо, родная. Прекрасная характеристика.

— А ещё он тебя очень любит.

Денис ничего не ответил, но улыбка его стала мягче.

— Я это сразу почувствовала, — продолжила Оливия. — И теперь понимаю, почему ты так дорожишь вашей дружбой.

Он привлёк её ближе и поцеловал в волосы.

А потом они снова заговорили о Роберте, его невероятном произношении, дёгте вместо эля и старых проделках, которые Оливия непременно собиралась выведать при следующей встрече.

Денис пока не стал рассказывать, почему его друг так хорошо знает русский язык. За лёгким ответом Роберта скрывалась история, которой тот почти ни с кем не делился, и Северин не считал себя вправе открывать её без разрешения.

Впереди у них ещё было время для разговоров и новых встреч.

А сегодня он радовался тому, что два самых дорогих ему человека так легко нашли общий язык — пусть и началось всё с маленького обмана.

Глава 7. Музыка ночи

К середине сентября Денис наконец разделался с экзаменами, и в их жизни появилось несколько свободных вечеров, которые больше не приходилось делить между университетскими учебниками и бесконечными конспектами. Теперь за книгами чаще засиживалась Оливия: до начала занятий оставалось совсем немного времени, и она с упорством, которое одновременно восхищало и забавляло Дениса, пыталась подготовиться ко всему заранее.

В субботу он застал её в гостиной, окружённую тетрадями и раскрытыми учебниками. Оливия сидела, поджав под себя ноги, и что-то сосредоточенно записывала, время от времени заглядывая в толстый англо-русский словарь. За последний час она успела дважды передвинуть его с одного края стола на другой, перепутать страницы в конспекте и окончательно запутаться в каком-то английском выражении, которое никак не желало подчиняться правилам.

Денис некоторое время наблюдал за ней из дверей, затем подошёл и заглянул через плечо.

— Лисёнок, ты собираешься выучить весь английский язык за один день?

— Нет. Только половину. Вторую оставлю на завтра.

— Разумно.

Она подняла на него глаза, улыбнулась и снова склонилась

над тетрадью.

— Денис, а вот скажи мне, пожалуйста…

— Нет.

Оливия удивлённо обернулась.

— Я ведь ещё ничего не спросила!

— Знаю. Но если это опять вопрос о временах английского глагола, я официально объявляю себя недееспособным.

— Северин, ты вырос в Англии!

— Именно поэтому и не хочу обсуждать английскую грамматику в субботу.

Он осторожно вынул карандаш из её пальцев, положил поперёк раскрытой тетради и присел на край дивана.

— Кстати, родная, какие у тебя планы на вечер?

— Никаких особенных. А что?

— Прекрасно. Значит, ты свободна.

Оливия прищурилась.

— Для чего?

— Для меня.

Она рассмеялась.

— А я разве когда-нибудь бываю для тебя занята?

— Последние две недели — постоянно. Стоит подойти поцеловать собственную девушку, как оказывается, что я мешаю ей постигать тонкости английской филологии.

— Бедный Северин! — Она обняла его за шею. — Совсем замучили?

— Не то слово.

Денис ответил на поцелуй, но, когда Оливия потянулась за карандашом, решительно закрыл её тетрадь.

— Всё. На сегодня достаточно.

— Денис!

— Вечером мы идём гулять.

— Куда?

— Увидишь.

Она откинулась на спинку дивана.

— Опять?

— Что опять?

— Северин, ты получаешь какое-то особенное удовольствие от того, что ничего мне не рассказываешь?

— Огромное.

— Я заметила!

Он рассмеялся, поймал её за руку и поцеловал кончики пальцев.

— Обещаю, тебе понравится.

Оливия посмотрела на него с притворным недоверием.

— В прошлый раз ты тоже так говорил.

— И что? Роберт тебе не понравился?

При воспоминании о рыжеволосом шотландце она невольно улыбнулась.

— Роберт — замечательный. Но это ещё не значит, что я должна верить всем твоим обещаниям.

— Хорошо. Тогда не верь. Просто доверься мне.

Он произнёс последние слова без обычной насмешливо-

сти, и Оливия, встретившись с ним взглядом, вдруг перестала спорить.

— Ладно, — сказала она. — Только хоть намекни, как одеться.

— Красиво.

— Очень содержательно, Северин.

— Ты умеешь.

— Денис!

— Родная, если я скажу больше, ты всё поймёшь.

Она некоторое время пыталась добиться от него хоть каких-нибудь подробностей, но, поняв бесполезность своих усилий, решительно объявила:

— Тогда я пойду в джинсах.

— Иди.

— И в кроссовках.

— Прекрасно.

— И в той старой кофте, которая тебе не нравится.

Денис усмехнулся.

— Лисёнок, мне нравится всё, что ты снимаешь.

Оливия запустила в него диванной подушкой.

— Северин!

Он поймал её и расхохотался.

К вечеру Оливия всё-таки выбрала платье.

Не потому, что Денис сумел её уговорить, а скорее из любопытства: ей хотелось увидеть, куда же он собирается её повести. Она долго не раздумывала над нарядом, только рас-

пустила волосы, позволив рыжим локонам свободно рассыпаться по спине, и, прежде чем выйти из спальни, надела серьги.

Денис ждал в гостиной.

При её появлении он прервал разговор по телефону и, извинившись перед собеседником, завершил звонок.

— Ну как? — спросила Оливия, остановившись перед ним. — Подойдёт для твоего таинственного мероприятия?

Он оглядел её с таким удовольствием, что она невольно улыбнулась.

— Родная, я начинаю жалеть, что вообще предложил куда-нибудь идти.

— Это ещё почему?

— Потому что теперь совершенно не хочу тебя ни с кем делить.

— Северин, не начинай!

Он подошёл, поправил выбившуюся у её виска прядь и поцеловал.

— Идём, красавица. А то опоздаем.

— Значит, мы куда-то опаздываем?

— Если будем и дальше выяснять подробности — непременно.

Она попыталась заглянуть в его телефон, но Денис успел убрать его в карман.

— Даже не надейся, Лисёнок.

— Невыносимый человек!

— Зато ты меня любишь.

— Пока ещё.

Он рассмеялся и подал ей руку.

По дороге Оливия несколько раз принималась гадать, куда они направляются. Денис с удовольствием выслушивал её предположения, но отвечал так уклончиво, что вскоре она оставила попытки угадать и переключилась на разговор о предстоящей учёбе.

Её немного тревожило, как сложатся занятия в английском университете. Хотя подготовительные курсы придали ей уверенности, мысль о том, что вскоре придётся слушать настоящие лекции, писать работы и спорить с преподавателями на чужом языке, по-прежнему заставляла волноваться.

Денис слушал её, иногда задавал вопросы, а когда она принялась перечислять всё, чего ещё не успела выучить, негромко рассмеялся.

— Лисёнок, ты всерьёз рассчитывала приехать в Англию и через месяц знать язык лучше самих англичан?

— Нет, конечно. Но мне хочется хорошо учиться.

— И будешь.

— Откуда ты знаешь?

— Я тебя знаю.

Она посмотрела на него.

— Это не аргумент.

— Для меня вполне достаточный.

Оливия улыбнулась и некоторое время молчала, наблю-

дая за вечерним Лондоном. За последние недели город успел стать ей гораздо ближе. Она уже знала дорогу до университета, запомнила несколько любимых мест, перестала каждый раз замирать перед непривычным потоком машин, и всё же Лондон продолжал открывать ей что-нибудь новое.

Когда такси свернуло на Хеймаркет[41], Денис незаметно взглянул на часы.

Оливия этого не заметила. Её внимание привлекла небольшая компания нарядно одетых людей, торопившихся по тротуару с театральными программками в руках.

Через несколько мгновений машина остановилась.

— Приехали, родная.

Денис расплатился с водителем и помог ей выйти.

Оливия подняла голову — и замерла.

Перед ней возвышался великолепный старинный театр. Над входом, среди вечерних огней, красовалась знакомая афиша.

THE PHANTOM OF THE OPERA[42].

Она перечитала название, словно боялась ошибиться, потом медленно повернулась к Денису.

— Северин…

Он ничего не сказал, только улыбнулся.

---

[41] Хеймаркет (Haymarket) — улица в театральном районе Вест-Энд в центре Лондона, неподалёку от площади Пикадилли-Серкус.

[42] «Призрак оперы» (англ.) — мюзикл Эндрю Ллойда Уэббера. Его лондонская премьера состоялась в Театре Её Величества в 1986 году.

— Денис, это же…

— «Призрак оперы», Лисёнок.

Она снова посмотрела на афишу.

— Ты серьёзно?

Вместо ответа он достал из внутреннего кармана пиджака два билета.

— Сегодня вечером у нас с тобой свидание в Театре Её Величества[43].

Оливия взяла билеты, но почти сразу вернула их Денису, обняла его за шею и так порывисто поцеловала, что он невольно рассмеялся.

— Господи, Денис! Ты даже не представляешь, как я давно мечтала его увидеть!

— Примерно представляю.

— Нет, не представляешь!

— Лисёнок, ты мне про этот фильм столько рассказывала, что я уже могу пересказать его с закрытыми глазами.

Она засмеялась, всё ещё не выпуская его из объятий.

— Ты невозможный!

— Между прочим, я должен тебя предупредить.

— О чём?

Денис наклонился к её уху.

— Батлера сегодня не будет.

---

[43] Театр Её Величества (Her Majesty's Theatre) — исторический театр на улице Хеймаркет в лондонском Вест-Энде. Приведено название, которое он носил в годы действия романа.

Оливия отстранилась и посмотрела на него с таким искренним удивлением, что он не выдержал и рассмеялся.

— Северин!

— Что?

— Ты думаешь, я не знаю, что это театральная постановка?

— Знаешь, конечно. Но я на всякий случай уточнил.

Она прищурилась.

— Ты что, ревнуешь меня к Джерарду Батлеру?

— Я? — Денис изобразил неподдельное возмущение. — К какому-то шотландцу?

— Какому-то?!

— Вот видишь! — Он покачал головой. — Стоило произнести его имя, и ты уже готова защищать честь этого человека.

Оливия расхохоталась.

— Боже мой, Северин! Ты действительно ревнуешь!

— Исключительно из принципа.

— Из какого?

— Мне не нравится, когда моя девушка смотрит на другого мужчину с таким выражением лица.

— Каким ещё выражением?

— Вот таким, как сейчас.

Она рассмеялась и, обняв его за талию, прижалась ближе.

— Денис, любимый, ну что ты! Это же просто фильм!

— Вот именно. А я настоящий.

— И гораздо красивее.

— Разумеется.

— И скромнее.

Он усмехнулся.

— Особенно скромнее.

Она ещё раз поцеловала его, а потом с нетерпением потянула за руку к театру.

— Пойдём скорее! Я хочу всё увидеть!

Войдя в театр, Оливия невольно замедлила шаг.

Её поразило не столько великолепие интерьера, сколько удивительное ощущение праздника, наполнявшее здание. Люди негромко переговаривались, рассматривали программы, поднимались по лестницам, и в этом оживлении уже чувствовалось предвкушение спектакля.

Денис купил ей программку, и она принялась разглядывать фотографии артистов и читать имена исполнителей, то и дело задавая ему вопросы. Он терпеливо отвечал, хотя некоторые подробности знал не лучше неё самой.

— Денис, а ты раньше здесь был?

— В театре? Конечно.

— Нет, я про этот спектакль.

— Был однажды.

— И тебе понравилось?

— Понравилось.

— А почему ты мне не рассказывал?

— Лисёнок, ты хотела бы, чтобы я заранее пересказал тебе

всё представление?

Она задумалась.

— Нет.

— Вот и я так решил.

В зрительном зале она снова остановилась, теперь уже не пытаясь скрыть восхищения.

Красный бархат кресел, изящные позолоченные балконы, украшения старинного театра — всё здесь было совсем иным, чем в кино. Но особенно её поразило само пространство сцены, за которой угадывался целый мир, ещё скрытый от зрителей.

И когда они заняли свои места, Оливия вдруг почувствовала волнение, какого давно не испытывала перед началом представления.

Она знала эту историю почти наизусть. Смотрела фильм, слушала музыку, спорила о героях. Ей казалось, что она помнит каждую значительную сцену.

Но сейчас всё должно было произойти перед ней.

Без экрана.

Без возможности остановить изображение или вернуться к любимому эпизоду.

Один-единственный вечер, в течение которого настоящие люди будут петь, любить, страдать и совершать ошибки на расстоянии нескольких десятков шагов от неё.

— Денис, — прошептала она, когда в зале начали гаснуть огни.

— Что, родная?

— Спасибо.

Он чуть сжал её руку.

— Смотри, Лисёнок.

Сначала на сцене возник печальный, почти безжизненный мир старого оперного театра. Пыльные предметы, давно забытые вещи, воспоминания о спектаклях, которые когда-то собирали полный зал.

Оливия следила за происходящим с любопытством, но ещё не успела окончательно погрузиться в действие, когда прозвучали первые мощные аккорды увертюры.

И всё преобразилось.

Оркестр словно одним стремительным движением сорвал покров времени. Зал наполнился музыкой, величественной, тревожной, исполненной такой неудержимой силы, что Оливия невольно выпрямилась в кресле.

Огромная люстра, прежде казавшаяся мёртвым свидетельством ушедшей эпохи, ожила и начала подниматься. Перед зрителями вновь возникал блистательный оперный театр, а знакомая мелодия, которую Оливия столько раз слышала дома, теперь обретала совершенно иное звучание.

Она даже не заметила, как крепко сжала ладонь Дениса.

Он повернул голову.

В полумраке было видно лишь её профиль, рыжие волосы и глаза, неотрывно следившие за сценой. Денис улыбнулся, коснулся губами её пальцев и снова обратился к спектаклю.

Оливия этого почти не заметила.

Она уже была там — среди артистов парижской оперы, в мире тайн, соперничества, любви и музыки.

Её захватило происходящее.

Когда Кристина впервые услышала голос своего таинственного наставника, Оливия невольно подалась вперёд. Она знала, кто скрывается за этим голосом, знала, что последует дальше, но всё равно прислушивалась с таким напряжённым вниманием, словно история могла измениться.

А когда Призрак появился перед Кристиной, ей вдруг подумалось, насколько по-разному можно воспринимать одного и того же человека в кино и на сцене.

Экран приближает лицо, показывает каждое движение глаз, позволяет увидеть слезу, которую актёр едва успел сдержать. Театр же требовал от зрителя совсем другого участия. Здесь нужно было чувствовать по интонации, по жесту, по тому, как человек останавливается посреди сцены или протягивает руку, не решаясь коснуться любимой женщины.

И музыка делала слышимым то, о чём герои не могли сказать.

Денис временами замечал, как меняется выражение Оливиного лица. Она улыбалась при встречах Кристины с Раулем, напряжённо следила за появлением Призрака и особенно внимательно слушала те сцены, в которых его властность уступала место отчаянному человеческому одиночеству.

Во время антракта она долго не могла успокоиться.

— Денис, это невероятно! Ты слышал, как он поёт?

— Слышал, родная.

— Нет, ты понимаешь, какой у него голос? А оркестр? Господи, я даже не представляла, что музыка может так звучать!

Он с удовольствием наблюдал за её оживлением.

— Ну что, Батлер пока выдерживает конкуренцию?

Она рассмеялась.

— Северин, оставь бедного Джерарда в покое!

— Я и оставил. Он же не пришёл.

— Денис!

Он поцеловал её и отправился принести воды, пока она снова принялась разглядывать программку.

После окончания второго действия последние звуки музыки медленно угасали, а Оливия всё ещё не могла оторвать глаз от сцены. Призрак исчез, оставив после себя лишь белую маску, и в этой маленькой, осиротевшей вещи было теперь столько горького одиночества, что ей казалось почти невыносимым видеть её лежащей там, где только что закончилась целая человеческая жизнь.

Она знала эту историю наизусть. Знала, чем всё закончится, помнила каждую любимую мелодию, но сегодня, пережив её вместе с артистами, почувствовала то, чего прежде не могла дать даже самая прекрасная кинокартина. Голоса, звучавшие совсем рядом, живое дыхание оркестра, отчаяние Призрака, мужество Кристины — всё это ещё продолжало

существовать в ней, хотя спектакль уже закончился.

В зале воцарилась тишина. Та особенная, короткая тишина после последних нот, когда зрители ещё не вполне вернулись из мира, созданного на сцене.

Денис сидел рядом, ожидая поклонов артистов, когда Оливия вдруг вскочила со своего места.

— Браво! — звонко, во весь голос воскликнула она. — Браво!

И принялась аплодировать.

Денис от неожиданности даже вздрогнул.

Несколько зрителей обернулись в их сторону. Пожилая англичанка, сидевшая через кресло, удивлённо подняла брови, кто-то впереди повернул голову, пытаясь разглядеть девушку, нарушившую торжественную тишину.

Северин почувствовал, как к щекам приливает кровь.

Он слишком хорошо знал английскую театральную публику, её привычную сдержанность и негласные правила поведения. В России подобные восторженные возгласы были естественным выражением благодарности артистам; здесь же не принято было вскакивать с места и кричать «Браво!» раньше всех, совершенно не заботясь о том, как отреагируют окружающие.

А Оливия стояла посреди партера, не замечая ни одного обращённого на неё взгляда.

Её рыжие волосы золотились в свете сцены, на щеках горел румянец, а в зелёных глазах блестели слёзы. Она апло-

дировала от всего сердца — порывисто, горячо, словно боялась, что артисты уйдут за кулисы, так и не узнав, какое счастье подарили ей этим вечером.

— Браво! Браво!

Денис невольно оглянулся.

Потом снова посмотрел на Оливию.

Она даже не пыталась понять, отчего он медлит. Вся её душа сейчас принадлежала музыке и людям, которые сумели сделать эту музыку живой. И Денис вдруг почувствовал неловкость уже не за неё, а за собственное мгновенное смущение.

Разве мог он оставить её стоять одну?

Он поднялся.

Сначала ещё ощущая на себе любопытные взгляды людей, затем уже совершенно забыв о них, Денис встал рядом с Оливией и принялся аплодировать. Она обернулась на мгновение, встретилась с ним глазами — и улыбнулась так благодарно, что ему захотелось рассмеяться над самим собой.

Он слегка коснулся её спины, давая понять, что рядом, и повернулся к сцене.

И тогда произошло нечто удивительное.

Мужчина, сидевший позади них, тоже поднялся. Следом встала его спутница. За ними — ещё несколько зрителей, сначала поблизости, потом в соседних рядах. Аплодисменты становились громче, увереннее, и вскоре люди уже поднимались по всему партеру, словно внезапный порыв Оли-

вии освободил их от сдержанности, мешавшей выразить собственное восхищение.

Денис оглянулся и увидел, как одно за другим исчезают пустые пространства между стоящими зрителями. Аплодировали в центральных рядах, поднимались по краям зала, вставали люди в ложах. Сверху, с балконов, доносился всё усиливавшийся шум оваций.

Ещё минуту назад Оливия стояла одна.

Теперь вокруг неё стоял весь театр.

Аплодисменты уже не смолкали. Артисты выходили на поклон, отступали, вновь появлялись на сцене, встречаемые таким восторженным приёмом, что даже самые сдержанные зрители не спешили занимать свои места.

Денис взглянул на Оливию.

Она была совершенно счастлива. Слёзы свободно катились по её щекам, но она не замечала их и продолжала аплодировать. Иногда ей приходилось на мгновение опускать руки, чтобы перевести дыхание, однако стоило артистам вновь появиться из-за кулис, как она с прежней горячностью принималась благодарить их.

И когда на сцену вышел исполнитель роли Призрака, Оливия снова звонко воскликнула:

— Браво!

Артист поклонился залу, выпрямился и уже собирался последовать за товарищами, когда его внимание привлекла девушка в партере.

Среди множества восторженных лиц её трудно было не заметить: высокая, рыжеволосая, с заплаканными зелёными глазами, она стояла рядом с тёмноволосым молодым человеком и аплодировала так искренне, словно благодарила его за что-то глубоко личное.

Он видел её ещё тогда, когда зал только начинал подниматься. Слышал первый смелый возглас, заметил, как вслед за девушкой встал её спутник, а потом — зрители вокруг них. И теперь, когда театр уже гремел овациями, этот маленький порыв одной зрительницы вдруг приобрёл для него особенное значение.

Артист улыбнулся.

Оливия заметила, что он смотрит прямо на неё, и её руки невольно замерли.

— Денис… — прошептала она, не сводя глаз со сцены.

Исполнитель Призрака медленно приложил ладонь к сердцу и поклонился ей.

Не всему залу, как несколькими мгновениями раньше, а именно ей.

Потом поднёс пальцы к губам и послал воздушный поцелуй.

Оливия растерянно улыбнулась, прижав ладонь к груди. Ей хотелось ответить, но она совершенно не знала как. Неужели он действительно заметил её среди сотен зрителей? Неужели видел, как она первой поднялась с места?

Денис обнял её за плечи.

— Лисёнок, он тебе посылает поцелуй, — негромко сказал он.

— Я вижу…

Она произнесла это почти беззвучно.

Но артист ещё не закончил.

У края сцены лежала алая роза. Он нагнулся, взял цветок и, выпрямившись, снова посмотрел в сторону Оливии.

В эту секунду она уже поняла его намерение.

— Денис! — вырвалось у неё.

Он тоже увидел розу.

Артист чуть приподнял её, словно спрашивая, готова ли девушка принять подарок, и, дождавшись, когда Оливия протянет руки, бросил цветок ей.

Роза полетела над первыми рядами партера.

Оливия следила за ней, боясь даже моргнуть. На мгновение ей показалось, что цветок пролетит мимо, но она сделала маленький шаг вперёд, вытянула руки — и поймала его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.